

ЙОАВ БЛУМ

Впервые на русском!

От автора бестселлера «Творцы совпадений».

Йоав Блум

Что другие думают во мне

Серия «Большой роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69347470

*Что другие думают во мне: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва;
2023*

ISBN 978-5-389-23558-8

Аннотация

Йоав Блум, автор бестселлера «Творцы совпадений», – один из самых оригинальных писателей современности. В основе каждой его книги лежит необыкновенная идея, новый взгляд на мир и на возможности человеческого сознания. Герой его последнего романа еще в детстве обнаружил, что отличается от остальных: он способен слышать мысли людей и переживать их ощущения. Став старше, захлестываемый волнами чужих эмоций, он вынужден отгородиться от внешнего мира и жить отшельником. Однако иллюзия защищенности разваливается на части, когда однажды на пороге его дома появляется бывшая возлюбленная, угрожая ему пистолетом. Отныне ответ на вопрос «В какой степени мои мысли и желания действительно принадлежат мне?» способен спасти герою жизнь – или привести к неминуемой гибели...

Впервые на русском!

Содержание

1	5
2	14
3	22
4	27
5	38
6	46
7	62
8	72
9	86
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Йоав Блум

Что другие думают во мне

*Все то, что лежит позади нас и что лежит
перед нами, – мелочи по сравнению с тем, что
лежит внутри нас.*

Генри Стэнли Хаскинс

Что человек познаёт, прежде чем уйдет?

Не солнце, не луну,

И даже звезды скроются во мраке.

Троил, послушай, если ты удачлив,

То перед наступленьем темноты

Познаешь самого себя.

Уильям Шекспир. Эдуард V

Yoav Blum

WHAT OTHERS THINK IN ME

Copyright © 2021 by Yoav Blum

All rights reserved

© Е. Н. Карасева, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

1

Я не знал, что кто-то стоит за дверью. И это был первый намек. Я не услышал, как кто-то подходит к двери, и среагировал только на резкий стук. Тишина, застывшая в воздухе, а также тот факт, что я ничего не услышал, ничего не почувствовал, навели меня на мысль, что это наверняка она, наверняка Даниэла. И это действительно была она. Спустя все эти годы она казалась так сильно похожа и не похожа на себя, что я невольно вытеснил свои наблюдения на эту тему на обочину разума до того, как успел их осмыслить.

Не совру, если скажу, что не прошло и десяти минут с того момента, как я открыл ей дверь, и до того момента, как она с улыбкой направила на меня пистолет. В этом было что-то почти нормальное, почти естественное. Было сказано все, что нужно, и мы перешли к этому необходимому этапу – огнестрельное оружие в руке той, что была когда-то самым близким мне человеком. Много лет назад или, может быть, за мгновение до того, как она вытащила пистолет. Пожалуй, оба варианта верны.

Никто никогда не появлялся у меня на пороге, я никого к себе не приглашал. Такова часть моих негласных договоренностей с миром – чтобы ко мне никто не ходил. Когда кто-то из немногочисленных знакомых хотел поговорить со мной, он звонил, посылал мейл или короткую эсэмэску. В эту дверь

стучали впервые, и большой вопрос, кто больше удивился – дверь или я.

Я встал с дивана, подошел к двери и раскрыл ее настежь с любопытством и опаской. Там стояла она, наклонив голову в знакомой манере, ее зеленые глаза мерцали на свету, пробиравшемся из-за моей спины, руки в карманах коричневого бомбера. Ее волосы – цвета «грязный блонд», а не «наивный рыжий», как в нашей юности, – лежали на плечах. Взгляд легко блуждал с моего удивленного лица на мой дом и обратно.

– Балаган, – сказала Даниэла, – ну что за балаган. Нетрудно было бы догадаться, что ты обустроишь свой дом так эклектично. Никакого единообразия. Как будто тут восемь разных людей живут.

– И тебе привет, – отозвался я. – Как ты меня нашла?

Она едва заметно улыбнулась. Конечно, так она и рассказывает.

– Может, все-таки пригласишь меня внутрь?

Я жестом пригласил ее войти. Во мне разразился настоящий шторм, бурлящие волны сотен вопросов обрушивались на побережье моих мыслей, словно цунами. Но мой внутренний актер не подал виду и решил играть свою роль. В конце концов, ему давненько не доводилось участвовать в таких спектаклях.

Она вошла и огляделась.

– Кухня, видимо, там, – она указала рукой, полуспраши-

вая, полуутверждая, – здесь гостиная, а пространство между ними – это... что?

– Все остальное, – ответил я. – Одно из преимуществ жизни отшельника – можно делать что хочешь, и никто не будет задавать вопросов.

– Типа меня?

– Например, да.

– Но я не абы кто, – сказала она, глядя мне прямо в глаза, – у нас общее прошлое, между нами есть связь. Мы умеем говорить на одном языке.

Я сел на диван:

– Так чем обязан?

Она села рядом, стараясь не смотреть на меня. Вместо этого она принялась рассматривать маленькие картинки на стене напротив и заправила волосы за ухо тем самым легким движением, которое было мне хорошо знакомо. Потом она поправила воротник бомбера и сделала глубокий вдох.

– Мне нужно, чтоб ты исчез, – сказала она. – Надо, чтоб ты вышел из игры.

Затем повернулась ко мне, едва улыбнувшись.

– Какой игры? – спросил я.

– Жизненной, – ответила она.

– Я не понимаю, – сказал я и кивнул, – о чем ты говоришь? Зачем ты пришла?

Она прикрыла глаза и задумалась.

– Ладно, хватит болтать. Ведь нужно закончить все это

поскорее. Так вот, – сказала она, и вдруг в ее руке оказался пистолет. – Сидишь себе дома, никого не трогаешь, и вдруг появляюсь... эмм... я. Я и этот малыш. Теперь мы с ним решаем, что тебе... эмм... нужно делать.

– Ты серьезно? – спросил я.

Свободной рукой она порылась в кармане куртки, вытащила что-то и бросила мне. Черная повязка.

– Возьми. Завяжи глаза. Но сначала посмотри хорошенько вокруг, потому что больше ты не увидишь этот дом. Не возвращайся сюда, что бы ни случилось.

Кажется, дело плохо. Я надел повязку на глаза. Надо что-то предпринять, разговорить ее.

– Даниэла, что тебе нужно от меня? – спросил я.

– Что мне нужно? Скоро узнаешь. Почувствуешь, так сказать, на собственной шкуре. Эмм... пожалуйста, заткнись, у нас мало времени. Понял?

Я почувствовал, как она берет меня за локоть и ведет наружу. Все происходило слишком быстро. Я пытался вспомнить, что я взял, а что оставил. Телефон лежал на рабочем столе, в кармане пальто были паспорт и кошелек, но оно висело на вешалке за дверью, а с собой у меня только несколько монет в кармане брюк и, может, клочок бумаги, какой-то старый чек. Все, что было мной в этом доме – пластинки, наброски, мой блокнот, компьютер, – все это вот-вот останется позади.

– Подожди, – выпалил я, – мне нужен мой блокнот. По-

жалуйста, хотя бы блокнот! В ящике письменного стола, в центре комнаты, вон там. — Я указал в направлении, где, по моим предположениям, был стол.

Прошло несколько секунд, прежде чем она ответила.

— Даже не пытайся шевелиться, — предупредила она, — ты все еще у меня под прицелом.

— Я не сомневаюсь. Не беспокойся.

— Такая синяя потрепанная книжечка?

— Ага.

Я слышал, как она листает блокнот, и мне захотелось закричать. Нет, нет, нет, это мое, это я, не смотри туда! Я замер, сжав кулаки. Потом почувствовал ее дыхание на своем ухе и услышал шепот:

— Не нужен он тебе, балда. Я тебе уже говорила.

Она снова взяла меня за локоть, и мы пошли к выходу.

— Даниэла, Даниэла, — бормотал я, — пожалуйста, хотя бы это, хотя бы блокнот, пожалуйста.

— Он тебе не нужен, — повторила она.

Страшно все еще не было. Я не думал, что мне грозит опасность. Повторюсь, все происходило слишком быстро и к тому же выглядело логичным и естественным. Будто разговор, который прекратился десять–пятнадцать лет назад, продолжился сейчас ровно с того места, где мы остановились. Почему-то мне казалось закономерным, практически ожидаемым, что меня выдергивают из собственного дома с повязкой на глазах, молча ведут по тропинке и заталкивают, по

всей видимости, на заднее сиденье машины.

Я не задавал вопросов, не пытался сбежать. Я просто сидел и силился понять, что происходит, думал, куда она меня везет, ждал, что она скажет. Ждал следующей фразы, которая бы мне все объяснила, дала разгадку. Так сидел я, не шевелясь, и покорно трясся вместе с машиной на ухабах лесной дороги. Когда мы выехали на шоссе, тряска прекратилась и воцарилось мерное жужжание.

– Куда мы едем? – спросил я наконец.

Она не ответила.

– Даниэла, скажи хоть что-нибудь.

– Ты можешь заткнуться? – сказала она раздраженно. – Я бы очень хотела, чтоб ты сейчас просто заткнулся. Ясно?

– Ясно, – ответил я.

– На вот, музыку послушай, – процедила она.

Спустя секунду или две машина наполнилась звуками. Я сразу узнал концерт для скрипки ми-минор Мендельсона и немного расслабился. Мы ехали молча. Музыка давно доиграла, когда мы наконец остановились. Дверца раскрылась, и Даниэла резко, почти жестоко выдернула меня наружу. Вот мы и вернулись в реальность или, возможно, в пьесу – что бы это ни было.

Было холодно, я начал чувствовать знакомое покалывание, шепот, который то появлялся, то стихал. И страх. Отрывочные мысли появлялись во мне и исчезали, ведь мы уже были не одни. Даниэла вела меня быстро, на моих глазах все

еще была повязка. Пронизывающий до костей холод и случайные мысли заставляли меня дрожать. Наконец мы остановились.

– Где мы? – спросил я.

Она помолчала несколько секунд, а затем я услышал мягкий звонок. Лифт. Дверь открылась, и мы вошли.

– Мне жаль, – сказала она.

Я почувствовал, что мы поехали вверх.

– Что ты делаешь? – спросил я. – Куда ты меня ведешь? Что происходит?

Она молчала.

– Ты не можешь бросить меня тут! Почему ты это делаешь?!

– Успокойся, пожалуйста, доверься мне. Как себя чувствуешь? – спросила она тихо. – Ты правда готов, ты ведь готов мне поверить сейчас? Все будет... эмм... о'кей. Это скоро закончится. Тогда все и поймешь. Эмм... пожалуйста, попытайся успокоиться. Ты способен хотя бы попытаться?

– Что это значит? – вырвалось у меня.

О чем она говорит?... Мысли об одежде, потенциальных партнерах, раздумья о том, какой напиток выбрать, сожаление, наслаждение красивым видом, боязнь говорить на публику, сильное желание выслужиться перед начальством, воображаемые картины отпуска за границей. Альпы, Индия, Непал, мерцающие экраны мониторов, глубокое отвращение, большая симпатия, смутное опасение сказать что-ни-

будь не то...

Меня вырубают. Она вырубают меня.

– Нет, – тихо произнес я, зная, что она тоже слышит все это, – пожалуйста, нет. Умоляю. Я не смогу.

– Ведь я знаю, что ты сильный. Эмм... пожалуйста, поверь, ты справишься. Это ведь нужно нам обоим. Ты ведь сможешь? Прямо сейчас.

Я резко вдохнул.

– Вперед, – сказала она.

По голосу я понял, что ей тоже тяжело. Дверь лифта открылась, Даниэла сорвала с моих глаз повязку и толкнула рукой в спину. Ей хотелось исчезнуть отсюда не меньше, чем мне. Я шагнул вперед, будто в туман, в густое облако. Плоская шутка, легкий привкус коктейля на языке, желание уйти, сесть, выдавить из себя смех, тайком улыбнуться. Я был на крыше высокого здания в центре города. Несколько десятков людей, маленькие столы, большие столы, стойки с закусками, бар в огоньках, музыка, басы долбят. Вечеринка. Вечеринка на крыше. То ли корпоратив, то ли вечер знакомств. Не важно.

Я молча стоял. Слышал, как дверь лифта закрылась за мной. Я остался один среди всех этих людей, и за секунду до того, как я окончательно вырубился, в моей голове промелькнула мысль, что лучше бы она отвезла меня на какое-нибудь поле и пристрелила. Может, я подумал еще что-то; может, нет – меня захлестнула вечеринка, я утонул в ней

и в панике пошел ко дну.

2

Обо мне можно с уверенностью сказать только одно: я читаю мысли.

Все прочие мои качества и характеристики можно так или иначе подвергнуть сомнению.

Способность читать мысли не появляется из ниоткуда. Она развивается на протяжении долгих лет. Все начинается с проблесков ощущений, ты даже не осознаешь, что эти ощущения чужие, а не твои. Затем появляются туманные образы и смутные чувства, которые обостряются, усиливаются с течением времени, год за годом. Наконец приходит то, что ты за неимением лучшего определения называешь «мыслями» других.

Это совсем не то, что вы думаете. Это не то, чего вы хотели бы для себя.

Путаница происходит оттого, что все, включая меня, ошибочно называют этот процесс «чтением» вместо более точного определения «слышание мыслей» или «улавливание мыслей».

Чтение – это действие, которое ты можешь совершать, а можешь не совершать. При чтении ты способен понять, что то, что в тебе звучит, – это не очередная твоя мысль, а слова, порожденные другим мозгом и вложенные в твою голову посредством органа зрения. Часть тебя при этом как бы

смотрит со стороны и может определить: вот моя мысль, а вот мысль, которую я прочитал. Моя мысль – прочитанная мысль. Нет. В моем случае это работает не так.

Я не могу управлять степенью своего погружения в чужие мысли, не могу решать, чьи мысли и когда я буду слышать. Если вы находитесь достаточно близко ко мне, я вас услышу. Необходимое для этого расстояние зависит от многих факторов: от того, кто слушает, кто думает, насколько оба взволнованы, устали или бодры, может, даже от влажности воздуха. При этом не важно, имеются ли стены или другие преграды. Мне доводилось слышать шепот мыслей с расстояния нескольких сотен метров, чувствовать боль и страх, сомнения и планы людей, которые находились за бетонной стеной, но бывало и так, что человек стоял всего лишь в пятидесяти метрах позади, а я чувствовал лишь глубокое неприятное сомнение. Я не могу помешать мыслям войти в меня, как не могу не слышать, как кто-то орет в мегафон у меня за спиной, или не чувствовать запах духов женщины, проходящей мимо. Если я не нахожусь в полном, абсолютном одиночестве, то постоянно слышу чьи-нибудь мысли. И когда я их слышу, у меня не возникает ощущения, что они чужие.

Знаю, знаю, в фильмах, когда кто-то «слышит мысли», он слышит их голосом того, кому они принадлежат. Как удобно. Но назовите хоть одну причину, по которой так должно быть в реальности. С чего бы чужим мыслям в моей голове звучать именно тем голосом, который порождают голосо-

вые связи думающего? Тем более что я его никогда не слышал. Когда вы стоите рядом со мной, я слышу ваши мысли, но не ваш голос. Я переживаю внутри себя еще один набор мыслей, которые ощущаются как мои собственные, которые «звучат» точно как мои. Какой-то внутренний механизм обрабатывает услышанные обрывки, перестраивает их и озвучивает моим внутренним голосом. Другими словами, я никогда не знаю, думаю я свою мысль или чужую. Внутренний голос всегда один и тот же. Мысли – это неструктурированный, организованный и ясно артикулированный поток слов. По большей части это месиво из обрывков предложений и образов, которые приходят из воспоминаний или воображения, а внутри – измельченные в пыль зернышки безымянных чувств, подсознательных убеждений, основополагающих принципов. В чайной ложке мыслей можно найти все грани личности. Может, это месиво и выстраивается в предложения после того, как я его услышал, но это целиком и полностью заслуга моего внутреннего механизма, переводящего внутренний трепет в слова «я боюсь». Мне не всегда удается трансформировать то, что я уловил, в «предложение». Порой выходит грубо, сыро, бессвязно и лишь задевает басовые струны души.

Иногда это выражается в мелочах. Например, я сижу дома и вдруг захотел пиццу. И сразу приходят сомнения – действительно ли мне хочется пиццы или это сосед вдруг проголодался. Или, прогуливаясь в одиночестве по тропинкам ка-

кого-нибудь заповедника на севере¹, наслаждаясь цветущими растениями и журчащими ручейками, я чувствую приступ парализующего ужаса, потому что впереди кто-то чуть не оступился на краю обрыва. Приходится каждый раз оглядываться, когда у меня появляется новая идея, чтобы удостовериться, что я один и эта идея на самом деле моя.

То, что другие думают во мне, – это не я. Понять, какие мысли рождаются внутри меня, – та еще задачка. Я несколько раз пытался посмотреть фильм в кинотеатре вместе с другими людьми. Утренний сеанс не самого популярного фильма, не более десятка зрителей. И я с трудом справлялся с нагрузкой. Не только из-за тех, кого фильм волнует, злит или держит в напряжении. Это еще ладно. Гораздо хуже те, чьи мысли блуждают, кто теряет нить повествования, думает, в какой момент лучше дотронуться до той, что сидит рядом, кто хочет в туалет, проверяет почту в телефоне или просто размышлял. Все это происходит во мне, и я тону.

Я не придумал ничего лучше, чем построить дом вдали от всех. Дом с огромным садом, скрытый от остальных людей, на приличном расстоянии от дороги, проходящей внизу, и по меньшей мере в двух километрах от ближайшего крупного шоссе. Но все равно иногда я смотрю в окно на сад и сомневаюсь: действительно ли мое желание прилечь отдохнуть вызвано усталостью, или это дальнобойщик после ночной смены проехал сейчас по дороге и свернул вниз, к под-

¹ Имеется в виду север Израиля.

ножию холма?

Вот так и забиваешься в свою нору, общаясь с внешним миром посредством телефона и экрана. В интернете никто не знает, что ты читаешь мысли (да и расскажешь – не поверят). В нем ты можешь быть настоящим, знать, что твое, а что – нет, существовать, не сгибаясь под гнетом мыслей. Знать, что ты – это ты, а они – это они.

Видимо, поэтому Даниэлу и отправили «заняться» мной. Ее намерений я не услышу, потому что она такая же, как я. Когда я познакомился с ней, то обнаружил, что те, кто читает мысли, не могут читать друг друга. Видимо, замкнутый цикл отменяет сам себя. Поэтому я узнал о ее появлении, только когда она подошла к двери и постучала. Никто другой не смог бы так бесшумно приблизиться. Она такая же, как я, и знает меня, может, лучше, чем я сам, – во всяком случае, у нее по поводу меня меньше сомнений и вопросов.

Признаюсь, у слышания мыслей есть свои преимущества. Любой дурак может стать лучшим следователем в мире, если все, что от него требуется, – это сидеть в комнате допросов напротив подозреваемого, который никак не хочет раскалываться, задавать ему вопросы и слушать, что за информация возникает из ниоткуда в его голове. Что ты с ним сделал? Куда ты выбросил пистолет? Как поступил с трупом? Воспоминания, имена, места, всепоглощающий гнев и парализующий страх появляются сами собой вслед за вопросом. Вы можете сколько угодно трясти головой и повторять: «Не

понимаю, о чем вы говорите». Я все равно выйду из комнаты допросов, глубоко вдохну, напомним себе, что все эти сведения и образы на самом деле не мои, позвоню своему шефу и скажу: «Есть канализационный колодец в двух кварталах от арены, за стволом дерева. Ищите там». Генерал-майор смотрит на нас с подозреваемым из офиса и иногда передает мне команды в наушник. «Сосредоточься на местоположении тела», «Спроси, как они деактивировали музейную сигнализацию», «Имена, дружище, мне нужны имена». Так что я – лучший следователь в мире. Если можно так сказать.

Иногда мои обязанности не ограничиваются исключительно допросами, и мне приходится погружаться в хаотичный мир «полевой работы». Банда грабителей пытается ограбить банк. Что-то идет не так, и вот у нас уже пять вооруженных преступников, десятки заложников с круглыми от страха глазами и список требований в чьих-то трясущихся от злости руках. Видимо, в этот момент мне и позвонят.

Здания вокруг банка будут зачищены, только несколько бригад «скорой помощи» останутся дежурить на окрестных улицах. Я приеду и расположусь снаружи здания в том месте, где я буду ближе всего к главарю банды, в бронежилете и с оружием, с пульсом под сто двадцать. Главарь сидит где-то там внутри, его нога дергается от напряжения. Зазвонит телефон, полиция поведет беседу, а я буду «подслушивать» и попытаюсь – среди страха и ужасных картин в головах заложников, среди мыслей полицейского, припарковав-

шегося слишком близко, – уловить намерения главаря, когда они проклянутся на поверхность под действием банальных вопросов полиции. Расположение крайне важно. Если я буду сидеть слишком близко к заложникам, то меня парализует их страх, если слишком далеко от бандитов – их мысли затеряются в постороннем шуме.

«Что вы собираетесь сделать с заложниками?»

Образ казни человека в костюме – плохо; мысль о том, сколько осталось бутылок воды в вендинговом аппарате в углу, и попытка подсчитать, сколько их нужно, чтобы напоить всех заложников, – хорошо.

«Я смогу пригнать вам вертолет только через восемь часов, давайте обсудим другие варианты...»

Мысль о том, сколько полицейских снаружи и сколько оружия внутри, – плохо; накатывающее отчаянье и воспоминания о предыдущем тюремном сроке – лучше; проблеск мысли о заранее прорытом подземном ходе под банком – ого, интересно.

Иногда, когда я уже выполнил свою задачу и полицейские, которые вот-вот ворвутся на объект, уже точно знают, что собираются делать те, кто внутри, где они стоят, что их беспокоит, что, по их предположению, происходит снаружи, сколько у них оружия, боеприпасов и воды, – так вот, иногда мне приходится задержаться и столкнуться с людьми. «Это тот самый, который мысли читает, надо же, а выглядит как обычный человек, интересно, слышит ли он меня сейчас».

Кто-то подходит ко мне, чтобы пожать руку, и губы его выговаривают слова благодарности, в то время как меня охватывает любопытство, я ощущаю легкое покалывание от вопросов и сомнений, накатывающие волны скепсиса и восхищения, которые смешиваются с моим безразличием насчет спасения людей, чей ужас я чувствовал час назад. Потом наступает облегчение, исходящее от заложников, и чувства, которые захлестывают их, передаются и мне – ради этого я остаюсь, не тороплюсь домой: радость, желание воссоединиться с семьей, с друзьями, решение провести остаток жизни более осмысленно, потребность сходить наконец по нужде...

Иногда на месте происшествия появляется кто-нибудь из подразделений, которые никогда не слышали обо мне, о лучшем следователе в мире, о секретном оружии полиции, об особенном человеке для особенных случаев, живущем на отшибе, в своем доме из стекла и бетона, где он выращивает цветы, которые никогда ни о чем не думают.

«Мысли читает? Серьезно?» – спрашивает этот кто-то, а другие утвердительно кивают, и я думаю их мысли, а потом возвращаюсь домой, в единственное место, где я уверен, что я – это я.

3

Может быть, вам нравятся вечеринки. Нравятся многолюдные места, где вас переполняют эмоции. Может быть, вы умудряетесь получать удовольствие от нахождения среди всей этой мишуры, от всех этих фокусов, от общества, в котором приходится изображать дружбу с большим количеством людей. Или, возможно, вы любите странное смешение натянутых улыбок, ватной, ни к чему не обязывающей светской болтовни и лишь наполовину неподдельного воодушевления, продуманного до мелочей. Я вас не осуждаю, – наверное, в параллельной вселенной и я был бы таким, как вы. Но не в этой.

Для меня пребывание в компании людей даже из шести-семи человек может стать сущим кошмаром.

В голове громоздятся мысли, и я тону в них, словно в зыбучих песках. Как известно, выбраться из зыбучих песков очень трудно, почти невозможно.

Вечеринка, на которой меня оставила Даниэла, столкнув в хаос, была самого худшего типа. Вечеринка на крыше, о которой я ничего не знал, как не знал ни единого человека, за кого мог бы зацепиться. Музыка была слишком громкой, чтобы я мог ее игнорировать, но слишком тихой, чтобы зацепиться за нее и игнорировать все остальное. Везде стояли разноцветные стойки с закусками, и люди перемещались

между ними, проходя сквозь мои мысли. Если бы все оставались на своих местах, я бы мог занять столик в углу. Мысли четырех-пяти незнакомцев, сидящих поблизости, пересилили бы общий шум, я бы свыкся с ними и терпеливо ждал. Но из-за постоянного хаотичного движения мне не за что было зацепиться.

Тем, кто читает мысли, приходится быть в буквальном смысле душой вечеринки. Все гости отдаются в них эхом, вечеринка на полную мощность проходит у них внутри, и каждая секунда умножается на всех людей, на все желания, на все ощущения. Можно попробовать дойти против сильного ветра до надежного, тихого места. Но такого не существует.

Я стоял с краю, оглушенный, и пытался понять, что со мной происходит. Мне жмет новый синий костюм, который я купил ради этого события, ступни потеют, и я сомневаюсь, обращает ли она на меня внимание вообще, может, еще стаканчик, куда мне идти в конце этого вечера, скажет ли он мне, что он все еще в этих отличных сосисках с горчицей, кому вообще эта шутка может показаться смешной, тупой шовинист, она слишком кудрявая, мне не нравится, неужели кончился кофе, вот бы оказаться сейчас дома с ней, а не здесь, на свежем воздухе, не чувствуется, что воздух грязный, но ее голубые глаза все еще манят меня, из-за сидения на этих высоких стульях чешется прямо между ягодиц, может, пора подойти и попросить повышение, ведь не подвернется лучшего шанса, чтобы сидеть тут в сторонке, и, может,

кто-нибудь подойдет, будет лучше, если я рассмеюсь и прокричу, что это самые сухие суши, которые я когда-либо ел, и идти, идти вперед, отойти в сторону, двигаться как-нибудь, только бы отойти в более тихое место, где у меня будет ужасное похмелье завтра, если сейчас не прекратить, но каждый раз, когда она около бара, я должен денег тому парню в углу, лучше мне отойти в сторону, только бы отойти, понять, что это думаю я, найти действие, которое только мое, мысль, которую только дольче и габбана, серьезно, она думает, что это впечатляет того, кто не пришел сюда этим вечером тот упустил какой он идиот почему он думает что я должен не забывать дышать, почему она привела меня сюда, за что, она ведь знает, как я тут буду, занято, и тут тоже, кто-то положил пальто на три стула сразу, почему все думают, что они что я бы мог сейчас сидеть в офисе и доделывать презентацию, а потом взять выходной и прыгнуть, прыгнуть с крыши, кто это, из какого он отдела, он странный, надеюсь, он без грецких орехов, как я мог сегодня забыть шприц, мне нужно домой, проверить почту, может, кто-нибудь хочет присоединиться к кружку вязания, все, что нужно, это подложить серый шарик в ее напиток и она согласится, всего лишь прыгнуть с крыши, это моя мысль, она за этим меня сюда привела, потому что я что угодно сделаю, чтоб это прекратить, заткнуть, шагнуть на край крыши, бежать, это моя мысль, это я, никому тут больше не холодно, мне надо было бы принести шарф и тогда я бы мог увидеть, как она выглядит под

этим макияжем, такая умопомрачительная, как остро, и почему этот парень так двигается, почему такие выпученные глаза, это стремно, кто-то знает, где мусорка, мне что, весь вечер ходить с этой салфеткой в руке, все, что останется после нас, — пыль, к ним не страшно подходить, так и завязываются знакомства, я побегу к крыше и спрыгну и пока лечу вниз, перед ударом будет тишина, я не один на него смотрю, у него странная походка, как у зомби, бежать на крышу, кричать, кричать сильнее голосов, что это, кто там кричит, сейчас, когда она повернется, положу в стакан, кто-то там зовет, я не вижу, кто-то кричит кто-то кричит будто режут крышу, бежать, остановить его, что делает этот сумасшедший, не останавливайте меня не остановите его у него приступ или что, кто это кто это кто это кто это из какого отдела кто это там что-то происходит с ним что-то случилось кто это кто я кто это наконец хоть что-то происходит в этой братской могиле я не вижу что происходит кто упал в обморок это похоже на эпилептический припадок кто это почему она меня сюда привела она же знает искусственное дыхание отсюда сюда может я пригожусь дайте пройти кто-то тронул меня за задницу поверить не могу кто это кто я он не дышит дышать дышать дышать боже мне надо дышать если никто не видит может взять этот кошелек спасибо большое кто это он не из офиса я не знаю надо подойти поближе конечно есть там кто-то кто может позаботиться о нем и дышать надо помнить что она на моей стороне она хочет меня и что мне

будет хорошо он немного успокоился он сдает, сдает совсем, только бы кончилось, только бы прекратилось.

Я в порядке? «Вы в порядке?»

Если кричать, чтобы кто-нибудь вызвал «скорую», то можно сойти за ответственного человека. «Кто-нибудь, вызовите „скорую“!»

Я не успел спрыгнуть. Она знала, что я попытаюсь спрыгнуть? Я не знал. Почему я попытался?

Он совсем плох. Дайте ему воздуха. «Дайте ему воздуха!»

Они так близко, что я буквально смотрю на мир их глазами. На меня смотрит лицо, мое лицо, такое, каким они его видят, – серое, искаженное, полное страха, задыхающееся, и согнутые спины тех, кто сгрудился вокруг меня, глазами стоящих позади, стакан сока, на который кто-то уставился, черное небо, ощущение бетона на моей спине, давление на колени оттого, что кто-то склонился надо мной, боль в спине, тошнота и тахикардия – то ли из-за моего страха, то ли из-за алкогольного опьянения тех, кто вокруг.

Каким облегчением было бы сейчас умереть, думает кто-то; может, и я. А потом темнота.

Я умру в этой больнице, подумалось мне. Я умру в этой больнице, и мои дети не успеют приехать в Израиль, чтобы проститься со мной. Это всего лишь перелом ноги, да и обезболивающие помогают. Но через два часа снова диализ, я не уверен, что выдержу. Меня сегодня должны выписать. Впервые, стейк, и к черту этот катетер. Не надо мне угрожать, человек должен жить, а не существовать. Жить. Я умру в этой больнице.

Какой больнице?

Я открыл глаза и с удивлением посмотрел на светодиодные лампы на потолке. Ясно, в больнице. Я лежал и чувствовал в ноздрях трубки, подающие кислород, но когда поднял руку – медленно, с трудом, будто шевелил ею впервые – и дотронулся до носа, то не обнаружил никаких трубок. У кого-то в соседних палатах – на моем этаже, надо мной или сверху – были трубки на лице. Может, наоборот, подумал я, может, это у меня трубки, а кто-то другой поднял руку и дотронулся до лица без трубок. Поди знай. Я преисполнился благодарности, что все еще жив, ужаса, что скоро умру, и страха перед всеми возможными операциями, которые предстоят людям вокруг.

Я закрыл глаза снова и попытался навести порядок в мыслях. Нагромождение было не такое, как на вечеринке, но ме-

ня все еще качало туда-сюда, я будто погружался в сон и возвращался в реальность снова и снова. Я предпринял безуспешную попытку приподняться на локтях ровно в тот момент, когда врач и несколько интернов зашли в палату. Врач сказал:

– Так, этого юношу мы знаем. Пока ничего нового. Проведем беглый осмотр.

Мысли людей в палате и на соседних этажах все еще роились в моей голове. Я не мог заговорить с доктором, не мог сказать, что слышу его. Мне надо хотя бы открыть глаза, чтобы они увидели, что я в сознании. Я все еще выгляжу бледным, подумал я.

Как я уже говорил, мысли – не слова. Ритм, отношения, внутренние понятия превращаются в нечто похожее на предложение только после того, как попадают в меня, проходят через мои трубы и поршни и переводятся на мой внутренний язык, становятся течением в моем океане, моим ужасающим торнадо. Когда кто-то думает о своей жене, я иногда чувствую ее запах, и он откликается во мне эхом некоей личной повседневной инаковости; иногда я вижу ее лицо, иногда во мне звучит фраза «моя жена», и я понимаю, что происходит, только потому, что у меня нет никакой жены. И когда кто-то думает обо мне – врагу не пожелаешь, – то я вижу самого себя и думаю: «Он выглядит бледно», а иногда цикл замыкается на мне раньше, чем можно было ожидать, и мой внутренний переводчик «понимает», что речь обо мне, и эта

инаковость пропадает, и...

Я все еще выгляжу бледным, подумал я.

Меня сюда привезли давно; когда я проснусь, кому-то придется мне объяснить, что произошло; может, пора уже перевести меня в реабилитационную палату, – в конце концов, я койку занимаю.

Есть что-то привлекательное в моих скулах,

Какой у меня пульс,

Это я – тот больной, у которого подозрение на суицидальное поведение,

Это я – тот, который приехал с вечеринки, да?

Врач сказал пару слов об анализах, о компьютерной томографии, о продолжении физиотерапии, о том, чтобы перевести меня в другое отделение, мысли интернов перешептывались во мне. Я думаю, что стану проблемным кейсом, только бы не пришлось делать по мне всякую бумажную волокиту. Я должен им объяснить, что мне нужно побыть одному, чтобы прийти в себя, хоть мой пульс и нестабилен, но анализы в норме по всем основным параметрам, где я записал мой индекс Глазго, а может, я вообще не говорю на иврите? Я шевельнулся? Я заметил движение? Может, показалось, видимо, показалось...

– Одноместную, – попытался я прошептать, но они уже шли на выход, их мысли переключились на следующего больного, на усталость, на желание заскочить домой в душ...

Надо забрать меня отсюда к Мерав.

Я смог открыть глаза. Кто такая Мерав?

В углу палаты стоял некто. То ли один из интернов задержался, то ли пришел другой врач. Некто стоял и смотрел на меня изучающе. Он вскинул голову и улыбнулся, когда заметил, что я открыл глаза. Я умру здесь, а мои дети, конечно, еще даже не сели в самолет. У меня нет детей. Мне надо успокоиться перед диализом. Нет, стоп, мне не нужен никакой диализ. Этот страх не мой. Я смог наконец приподняться немного на локтях и посмотреть. Только бы он не позвал никого, только бы не вернул всех обратно сюда. Передо мной стоял, выпрямив спину и скрестив руки на груди, взрослый мужчина, одетый в голубой костюм, абсолютно лысый, с серой, короткой, ухоженной бородкой. Его голубые, ясные, выразительные глаза смотрели прямо на меня. Я вытащу меня отсюда, подумал я. И снова: я вытащу меня отсюда.

– Одноместную, – сумел я выговорить хриплым голосом.

Человек в голубом костюме не ответил. Он продолжал смотреть на меня. Я слышу? Я понимаю? Большое одинокое дерево посреди широкого поля появилось в моих мыслях. Солнце садится. Запах скошенной травы. Шуршание легкого ветра в листве. Он склонился надо мной и положил руку мне на плечо. Я видел дерево?

– Да, – процедил я, с трудом шевеля губами, – я видел... дерево.

Тонкая улыбка возникла на лице человека в голубом халате. Он поднялся, высокий и стройный, и засунул руки в

карманы. Профессор Игаль Шапиро – в моей голове появилось имя. Приятно познакомиться, и отраднo видеть, что вы очнулись спустя столько времени.

Я снова закрыл глаза. Я тебя не знаю, подумал я. Почти уверен, что это была моя мысль. Я умру на этом диализе, из всей еды у меня тут только этот вялый огурец. Спустя столько времени? О каком времени речь? И еще подумал: я люблю тебя, сладкая моя, любимая папина дочка, не волнуйся, со мной все будет хорошо, не плачь, я не верю, что он снова сломал руку, но я должен выбраться отсюда, вся эта болыничная грязь – это...

Со мной все будет хорошо.

Я открыл глаза. Профессор Шапиро смотрел прямо на меня, и эта мысль возникла снова. Со мной все будет хорошо. Нам надо выбраться отсюда, подумал я. Он продолжал смотреть на меня, и снова мысль: нам надо выбраться отсюда.

– Вы говорите это мне? – спросил я, уже способный произнести целое предложение.

Точнее было бы сказать: «Думаете мне». Вперед. Вставайте, и пойдем.

– Кто вы? – спросил я.

Быстрая последовательность картинок пронеслась у меня в голове, пока Шапиро пытался, по всей видимости, думать о правильном, с его точки зрения, «ответе», выбирая то, что я должен «услышать». Наконец он закрыл глаза, глубоко вдох-

нул, и одинокое дерево посреди пшеничного поля появилось снова. Я хочу помочь. Я знаю, кто ты такой, и я могу помочь. Идем.

Он протянул мне руку, я взялся за нее, осторожно приподнялся и сел. Это прикосновение пробудило во мне ощущения от прикосновений к другим людям – кого-то мягко погладили по лбу, кому-то врач надавливал на пальцы ног, кто-то держал кого-то за руку, закрыв глаза и ожидая, что каждый вдох станет последним. Шапиро помог мне спуститься с кровати.

У нас всего несколько минут, прежде чем они вернутся. Обопритесь на меня и идите как ни в чем не бывало. Будет непросто, вы уже давно не ходили, ваши мышцы не атрофировались только благодаря физиотерапевту, которого мы смогли прислать, но если обопретесь на меня, то почувствуете, как подвижность тела потихоньку восстанавливается. Старайтесь смотреть вниз. Позвольте мне вести. «Белый экран».

«Белый экран», – подумал я и вспомнил, слова всплыли в моем сознании, просочившись сквозь зазоры в мыслях, носившихся у меня в голове. Надо выяснить, что такое «белый экран». Что значат эти слова.

Мы вышли наружу. Можно повернуть что угодно, если выглядеть при этом достаточно уверенно; это правило работает и для побегов из больницы в халате, босиком, глаза в пол. Шапиро излучал столько уверенности, что ее хватило на

нас обоих, и, когда нас все же остановила медсестра и спросила, из какого мы отделения и куда мы идем, он объяснил ей, что он профессор Шапиро, мы идем за круассаном и скоро вернемся. «Ему сказали, что станет легче, если он пройдет. Знали бы вы, сколько времени я его уговаривал на этот круассан».

Когда мы вышли из больницы, Шапиро подвел меня к маленькому белому «фиату», припаркованному довольно далеко от входа. Он открыл заднюю дверцу и усадил меня на сиденье. Я услышал мысль «он весь твой», а затем он ушел.

Рядом со мной лежала аккуратно сложенная стопка одежды. За рулем сидела девушка, но все, что я видел, была огромная ржаво-рыжая копна кудрявых волос. Она завела машину, и мы поехали.

Я в изнеможении откинулся назад. Мне хотелось что-нибудь сказать, но я был без сил. В начале поездки я мог слышать мысли водителей вокруг, в основном когда мы останавливались на светофорах. Встречи, на которые надо успеть, размышления о том, что сказали в новостях по радио, беспокойство, планы на остаток дня, мечты мелькали передо мной, появлялись и исчезали. Я дал телу немного отдохнуть, оправиться, ожить.

Когда машина свернула с основной трассы на более пустынную дорогу, постепенно воцарилась тишина. Наконец, когда дорога превратилась в узкую полосу асфальта среди широких полей, я понял, что никого не слышу.

Включая девушку за рулем.

– Привет, – сказал я.

Кудрявая грива шевельнулась, и девушка повернулась ко мне.

– О, привет, – улыбнулась она. – Как себя чувствуешь?

– Ты... ты тоже...

– Да, я тоже, – сказала она. – Приятно познакомиться, меня зовут Мерав. Сегодня я буду твоим водителем. Счетчик запустить?

– Я... что?

– Да шутка, шутка. Проехали, – поспешно проговорила она.

Еще несколько секунд мы молчали. Тишина. Тишина – это великолепно.

– Куда мы едем? – спросил я наконец.

– Домой, – ответила она. – То есть ко мне домой. Еще точнее – в дом профессора Шапиро, но это и мой дом сейчас, так что можно сказать, что домой. Место удаленное, у нас не будет проблем. Поездка предстоит тихая и спокойная, ну разве что парочка оживленных перекрестков попадется. Приедем, отдохнешь, мы позаботимся о тебе как следует. Там еще несколько ребят вроде нас, всё из-за этой ситуации.

Копна волос повернулась, и я увидел лицо девушки. Без макияжа, веснушки, карие глаза, неровная улыбка. Из-за пышной шевелюры она выглядела выше, чем была на самом деле.

– Заранее извини, но на перекрестках или если рядом будут проезжать другие машины, мне придется приостанавливать разговор. Мне и так очень сложно вести машину, надо напрягаться, чтобы оставаться в фокусе, и каждый раз заново выяснять, в какой машине я еду. Тебе, конечно, знакомо все это. Я неплохо справляюсь, но все равно – то еще испытание.

– Да-да, конечно, – ответил я. – Шапиро – это тот самый, который меня вытащил, да?

– А, нет. – Она снова смотрела на дорогу. – Это Нати, мы иногда просим его помочь, когда надо что-нибудь сделать в многолюдном месте. У меня неплохо получается находиться среди людей, но больницы и прочее – это слишком. Нати – обычный человек, который нам помогает, он долго тренировался, чтобы управляться со своими мыслями. Его как раз Шапиро тренировал. А что, он сказал, что его зовут Шапиро? Ладно, видимо, хотел внушить доверие, выглядеть более профессионально. Нет-нет, профессор Шапиро ждет нас дома. То есть рядом с домом, чтобы его мысли нам не мешали. А в самом доме, по сути, я за все отвечаю.

– За что именно?

– В целом, за других читателей мыслей, – ответила она. – Это место пустовало до недавнего времени, но с тех пор, как начались убийства, мы уговариваем всех приехать к нам, хотим создать небольшую общину, пока не разберемся, что происходит.

– С тех пор как начались убийства?

Она бросила взгляд через зеркало заднего вида.

– Да. В последнее время опасно быть читателем мыслей.

– Подожди, подожди, сколько читателей мыслей вообще существует?

Она коротко засмеялась:

– Хороший вопрос. Мы все еще пытаемся всех разыскать. В мире наберется несколько десятков; может, сотен; может, больше. Но их трудно найти, а даже если найдешь – трудно уговорить приехать. У нас есть место для тридцати человек, но пока и трети не набралось. Тебе, я смотрю, немного доводилось встречать читателей мыслей?

– Нет, совсем нет, – ответил я.

– Тогда приготовься морально, – сказала она. – Иногда очень странно находиться в комнате с другими людьми и понимать, что слышишь только себя.

Поля за окном быстро пролетали мимо нас. Слышать только себя в комнате, полной людей...

– Не думай пока об этом, – сказала она, – отдохни. Можешь переодеться, если хочешь; обещаю не подсматривать. Можешь даже поспать, я разбужу, когда приедем. Я никогда не испытывала такого сильного дампинга², как ты, но могу себе представить, что было очень тяжело.

– Дампинга?

– Термин, который придумал Шапиро. Долгое нахождение

² От *англ.* dump – мусорная куча, свалка.

ние среди большого количества чужих мыслей.

Я посмотрел на стопку одежды рядом с собой. Это были не те вещи, в которых я вышел из дома. Вдруг меня осенило. Мой блокнот! Где мой блокнот? Он остался дома.

– Блокнот... мои вещи... – пробормотал я.

– Твои вещи? – спросила она. – Может, Нати попробует их добыть.

– Есть еще блокнот. Наверно, дома остался... Или она его забрала... Не знаю...

– О'кей, – сказала Мерав, – подумаем, что можно сделать. Что в нем?

– Всё, – ответил я, – всё.

Дальше мы ехали молча. Я взял белую рубашку-поло, лежавшую в сторонке. Шум больничных мыслей давно развеялся. Волна отступила, и на берегу остались только две ракушки, два слова: «белый экран». Надо выяснить, как эти два слова связаны со всем, что тут происходит.

– Кто пытается нас убить? – спросил я. – И почему?

– А вот это, – ответила она, – я надеялась, что ты мне расскажешь.

Мое первое воспоминание – это сон.

Кто-то назвал бы его кошмаром. Видимо, в четыре года, когда он мне приснился, я его так и воспринимал. Все, что осталось от этого сна, – лишь обрывки смутных образов, на которые я за все эти годы нагромоздил множество толкований и предположений, каждое из которых было отражением меня в определенный период жизни. Спустя годы я пытался вспомнить первоисточник, очистить его от трактовок, вычленить и освободить то, что действительно находилось в моем внутреннем архиве. Возможно, питая заведомо напрасную надежду, что за миг до смерти я изучу с высоты птичьего полета все свои воспоминания, по-настоящему их прочувствую и опечатаю шкаф своей памяти окончательным, полным и вечным пониманием жизни.

Вот это воспоминание.

Кадр: человек стоит на сцене, подиуме, может в синагоге, нагибается вперед и опрыскивает публику какой-то жидкостью из предмета, похожего на темный пульверизатор.

Кадр: размытые лица неизвестных людей с белками глаз черного цвета смотрят вперед, прямо на меня.

Кадр: лица моих родителей, у них черные глаза.

Пробуждение.

Это ужасное, пугающее, но в то же время и хорошее вос-

поминание. Ужасное, потому что в его основе лежит вопрос, почему четырехлетний ребенок видит во сне эпидемию зла, которая делает черными глаза людей. А хорошее – потому что оно мое. Детский страх, породивший его, был моим, и шрам, который оно оставило на моей душе, это мой шрам. Никто не может дотронуться до этого воспоминания. Если уж бояться, то только себя самого.

Мое «официальное» первое воспоминание того, что случилось наяву, а не во сне, датируется годом или двумя после этого сна...

Кадр: я в парке с родителями; кадр: они покупают мне воздушный синий шарик с гелием; кадр: шарик улетает у меня из рук и взмывает в небо; кадр: родители покупают мне еще один в утешение.

Это воспоминание попроще, более нарративное, почти типичное; воспоминание, заранее готовое к тому, что ты будешь заполнять его пробелы при помощи объяснений или какой-нибудь байки. Такое воспоминание проще пересказывать другим при встрече, при знакомстве.

Долгие годы я так и делал. Пересказывал это воспоминание, додумывал детали о парке, о шарике или о том, что еще произошло в тот день, добавлял иногда: «Если мне не изменяет память», оставлял небольшие знаки вопроса, чтобы ангелы объективной правды не обвинили меня в нарушении протокола. Но однажды я понял, что все эти картины в моем воображении я помню не со своей точки зрения, а как бы со

стороны; кадр: мальчик в парке с родителями; кадр: мальчик получает шарик; кадр: шарик улетает... На улетающий шарик я смотрю будто бы сверху. Шарик приближается, заполняет рамку моего воспоминания, и маленький мальчик, я, большеглазый и с черным чубом, смотрит снизу то на него, то на меня, его фигурка становится все меньше и остается далеко внизу.

Я действительно получал шарик, и он действительно улетал, но воспоминание об этом событии сформировалось во мне под влиянием истории, которую мне рассказали, в то время как сон выцарапан во мне иглой страха маленького мальчика, который его видит. В отличие от воспоминания о сне, которое по-настоящему мое, воспоминание о шарике оказывается не совсем настоящим. В мире, где сон считается менее реальным, чем явь, думаю, это забавный факт.

Возможно, если бы я не был читателем мыслей, это было бы не так важно. Я бы относился снисходительно к воспоминаниям, которые на самом деле не мои, к легендам, которые я рассказываю себе о своей жизни. В те годы я еще не умел толком читать мысли, те кадры были порождены не чужим сознанием, а моим. Но сейчас каждый обрывок мысли, который появляется у меня в голове, тащит за собой малюсенькое сомнение, привязанное к его хвосту: а это правда мое? Я правда так подумал? Борьба за понимание, что мое, а что нет, превратилась в самое тяжелое испытание моей жизни.

«Если хочешь, чтобы люди пошли за тобой, тебе нужен

внутренний стержень», – сказала мне однажды мама в одной из наших кратких бесед.

«Я не хочу, чтобы люди за мной шли, – ответил я, – мне бы самому научиться идти за собой».

Она секунду помолчала и сказала: «Не пытайся одним махом понять, кто ты. Это слишком серьезная задача. Надо отгадывать в себе загадку за загадкой, понемножку каждый раз...»

Для этого и нужен блокнот.

Каждый раз, когда я ловил себя на каком-то ощущении – приятном или неприятном, – я записывал его и отмечал словами «да» или «нет». Затем каждый раз, когда ощущение повторялось, я ставил рядом с ним галочку, а если оно было обратным – зачеркивал одну галочку. Чем больше галочек, тем сильнее я мог быть уверен, что ощущение – мое. Если галочки зачеркивались, я понимал: или желание изначально было не мое, или я больше этого не хочу. Так заполнялся этот блокнот, отражая в каждый конкретный момент времени наиболее актуальную версию меня.

Пицца с помидорами – да ✓✓✓

Пицца с оливками – да ✓

Пицца с ананасом – нет ✓✓✓

Картины Ван Гога – да ✓✓✓

Картины Эшера – нет ✓✓✓✓

Кола – нет ✓✓✓✓✓✓

Музыка Вивальди – нет ✓✓
Прогулки в лесу – да ✓✓✓✓
Смотрение в ночное небо – да ✓
Даниэла – да ✓✓✓✓✓✓✓✓✓✓

Записывать в блокнот – нет, но приходится

Допросы – нет ✓✓✓✓✓
Покер – да ✓✓✓✓✓✓✓✓✓
Мечты, сны – да ✓✓✓✓✓✓✓

Обожаю списки. Если их не приходится редактировать, то буквально чувствуешь, как все встает на свои места. Мне и таблицы нравятся. Все, что может навести порядок в этом бардаке, мне нравится...

Воспоминание, не первое, но все равно важное. Я сижу на полу в гостиной, скрестив ноги; пытаюсь сложить пазл из пяти сотен кусочков (да✓✓✓✓✓), мама на кухне моет посуду после ужина. Вдруг она останавливается, кладет руку на столешницу и несколько минут смотрит в одну точку, вспоминая что-то, о чем я никогда не узнаю, злится на что-то, чего я никогда не пойму. Я изо всех сил стараюсь сосредоточиться на пазле. Рамка уже готова, теперь я ищу кусочки, чтобы залатать дыры на соборе, и пазл сойдется.

Большую часть детства, которую я помню, мы с ней жили в маленьком собственном домике на окраине поселка на севере. Она в основном смотрела телевизор, или читала какую-нибудь книжку из библиотеки, которую каждую неделю клали в пакет, висевший на ручке двери, или мастерила свои

маленькие безделушки — цепочки, медальоны, браслеты, — которые раз в две недели развозила по маленьким магазинчикам в округе, продавала и возвращалась с тонкой улыбкой, в которой смешивались радость оттого, что она способна нас содержать, и горечь оттого, что весь ее былой потенциал схлопнулся до «дешевых побрякушек».

Как любому ребенку, мне казалось, что я хорошо ее знаю, и вместе с тем я понимал, что мне не хватает очень многих кусочков, чтобы понять, кто она, заполнить то, что было всего лишь готовой рамкой. Она сияла передо мной, когда я был в темноте; становилась стеной вокруг меня, когда было страшно; открывала ворота, когда мне надо было уйти, и выдувала из своих легких ветер, уносящий меня к небесам, когда мне хотелось летать. В то время я этого не понимал. Очень мало кто из детей понимает.

Когда я стал постарше, я часто листал альбомы с ее старыми фотографиями. Я нашел их наверху на одной из полок и рассматривал по ночам или когда ее не было дома, надеясь, что они дополняют мою картину. Молодая девушка, смотревшая на меня с этих фотографий, была будто из другой жизни, бурлящей и энергичной. Держит кубок, который выиграла, возможно, в соревнованиях по бегу, улыбается, энергично плывет впереди других во время какого-то заплыва, играет в шахматы то ли сама с собой, то ли с фотографом, улыбается с друзьями на совместной фотографии на берегу моря. Вот она, в шарфе и шерстяной шапке, стоит с флагом в руке над

горным обрывом на фоне заснеженных вершин, и несколько молодых людей, тоже хорошенько укутанных, пристроились у ее ног. Покоряет миры, впитывает вселенную, хитро улыбается, смеется... Подружки, друзья... Это все очень отличается от той женщины, что однажды стояла и разглядывала пачку стирального порошка на полке в супермаркете, вцепившись в ручку сумки и в мою руку, напряженная, с отчаянно поджатыми губами, пока шумная стайка детей ходила вокруг нее туда-сюда, и в итоге она накричала на них бессловесным криком, стоном медведицы, которая с горящими глазами защищает своего медвежонка.

На страницах альбомов она улыбалась миру, а не воевала с ним. Мне нравилось их листать, обнаруживать новые пласты, которые помогали мне понять, кто она есть, кем она была.

От отца же я узнал, что такое алкоголь. Он бросил нас, вычеркнув себя из моей жизни примерно в районе первого воспоминания, и переехал в маленький домик на другом конце поселка. Мы с ним разговаривали в основном только по телефону. Но все же иногда он появлялся во дворе нашего дома, пьяный, с красными глазами, и требовал пообщаться со мной вживую. «Как отец с сыном, черт побери».

Он был не особенно разговорчив, его нелюбовь к людным местам и вечеринкам была связана с желанием избежать светских бесед. В детстве мне казалось, что это надменность, хотя сейчас я понимаю, что ему просто не хотелось участ-

зовать ни в каких симуляциях, включая симуляцию дружбы или заинтересованности. Во время наших телефонных разговоров он каждый раз объяснял мне, как важно хорошо учиться, «потому что это твое будущее», или рассказывал, как ему жаль, что он в отъезде и не может быть рядом со мной столько, сколько ему бы хотелось. Конечно, он не был в отъезде. Иногда он, пьяный и покрасневшийся, появлялся в тот же вечер, спустя несколько часов после разговора, и звал меня или маму.

Так уж заведено, что родители всегда остаются в какой-то степени загадкой для детей. Часть их жизни, что была до нас, живет в их памяти, но для нас так и останется терра инкогнита³, и нам никогда не узнать, какие они на самом деле. Да и не нужно. Главное, что они знают, какие мы.

³ Terra incognita (лат.) – неизвестная земля.

Мы долго ехали и наконец остановились у больших ворот в высокой стене, уходящей вглубь леса, который рос вокруг. Сверху на нас смотрела белая видеокамера, а на железных воротах, покрашенных в белый цвет, были нарисованы контуры двух игроков в гольф за секунду до удара. Над ними парила выцветшая большая ширококрылая птица, а на самом верху во всю ширину ворот было написано крупными зелеными витиеватыми буквами: «Гольф-клуб „Альбатрос“». Мерав открыла окно и протянула руку к маленькой кнопочной панели, закрепленной на столбе у обочины. Поняв, что не дотягивается, она вышла из машины, тихонько ворча, набрала код для въезда и вернулась.

– У меня никак не получается остановить машину на нужном расстоянии, – сказала она, пока створки медленно открывались, разделяя надпись на «Гольф-кл» с одной стороны и «уб „Альбатрос“» с другой. Мерав нажала на педаль, и машина тронулась вперед.

– Добро пожаловать к нам, – сказала она.

– В гольф-клуб? – спросил я.

– За газоном давно никто не следит, – ответила Мерав, – раньше еще было озеро, но оно почти пересохло. Однако все это по-прежнему выглядит как поле для гольфа. Отличная легенда для прикрытия. Огромное пространство, куда никто

не заезжает, большая часть территории абсолютно плоская за исключением пары холмиков, так что можно легко заметить, если кто-то все-таки просочится внутрь, да и вообще тут довольно симпатично, хоть траву и не подстригают по всем правилам. Ты знал, что есть специальный регламент полей для гольфа: какой высоты должна быть трава и прочее? В любом случае лунки все еще разбросаны тут и там по территории. Пару лет назад я себе купила набор клюшек и попробовала поиграть немного. Это забавно.

Мы ехали по подъездной дороге, солнце садилось, по сторонам от нас простиралась зеленая трава. Не считая стены, оставшейся позади, вокруг лежала гигантская открытая территория. Вдалеке виднелись деревья, а впереди за небольшим холмом показалось центральное строение – белое, квадратное.

– Это что, все ваша территория?

– Мм, ну да, – сказала она. – Полю для гольфа не помещает солидная территория. К тому же так не слышно посторонних мыслей. Один взгляд из окна – и можешь быть спокоен, что вокруг никого, кроме че-эмов.

– Че-эмов?

– Ч. М. Это аббревиатура: читателей мыслей.

– А, ясно, – ответил я, прислонившись лбом к окну. – Вы, как я вижу, все еще ставите флажки над лужайкой.

– Да, это новые, недавно поставили, – сказала Мерав. – Так еще больше похоже на поле для гольфа, к тому же на кон-

чике каждого флажка есть датчики. Если они засекут любой движущийся объект крупнее кошки, излучающий тепло, то зажжется лампочка на центральном диспетчерском пульте.

Наконец мы остановились около здания. Вблизи оно выглядело как старый царский дворец, который попытался примерить на себя современный вид, чтобы привлекать молодых туристов. Мерав оставила машину на краю большой круглой грунтовой парковки перед зданием. Пять ступенек вели на крыльцо, по бокам от которого росли два огромных дуба, бросая тень на стены и замышляя проникнуть в дом через жалюзи второго этажа.

– Вот и приехали, – сказала Мерав и заглушила мотор. – Давай найдем тебе комнату, что ли.

Она легко выскочила из машины и пошла к дому. Я вышел за ней, все еще привыкая к ткани новых вещей. Воздух был чистый и прохладный. Ее ноги в красных кедах быстро шагали по дорожке. Мерав была ниже меня ростом, чуть полновата, в ней будто горел маленький огонек, сгусток энергии. Ее пальцы скользнули в карманы темных джинсов. Она поднялась по лестнице в большой каменный дом, не потрудившись проверить, иду ли я следом.

Я шел за ней, смущенный, напряженный, и заново учился шевелить ногами. Мой любопытный взгляд бегал вокруг, пытаясь разглядеть и оценить все сразу. Подстриженные кусты по краям парковки, чистые оконные жалюзи, две маленькие и блестящие на солнце скульптуры собак, установ-

ленные по бокам от входной лестницы...

Мы вошли в здание. Внутри было свежо и прохладно. Я ожидал увидеть стойку ресепшена, но оказался в узком и длинном коридоре, преодолев который мы попали, видимо, в главную гостиную – большое помещение с высоким потолком. В центре лежал круглый ковер с нарисованными разнокалиберными кружками разных оттенков зеленого. Гигантские окна в восточной стене освещали пространство, в котором можно было устраивать балы; сейчас там стояла пластиковая мебель: складные столы и белые стулья, приставленные к ним под углом. В стороне, около белой стены, в которую был вмонтирован большой, неработающий камин, стояли два зеленых кресла с высокими спинками.

Наверху на широкой стене, напротив окон, выходящих на лужайку, висела большая карта территории или, точнее сказать, гольф-клуба. Разные оттенки зеленого обозначали небольшие возвышенности, а нарисованный бело-коричневый особняк символизировал, видимо, дом, в котором мы находились. Бурые тропинки пересекали карту вдоль и поперек, и десятки маленьких деревьев обрамляли зеленую территорию в форме амебы. В правом верхнем углу было написано «Альбатрос» крупными черными буквами. На карте были воткнуты флажки, обозначающие лунки, – девять флажков для девяти лунок, маленькие зубочистки с цветными треугольничками на концах, ошетилившиеся внутрь комнаты и придававшие карте трехмерность.

За окном на одном из зеленых холмов я увидел человека, удобно расположившегося на стуле и читающего газету при свете заходящего солнца. Это был пожилой мужчина, одетый на удивление элегантно, редящие волосы тщательно уложены, очки с толстыми стеклами покоились на носу. Даже с такого расстояния и при тусклом закатном свете бросалась в глаза ослепительная белизна носков, проглядывавших из-под его брюк, когда он скрещивал ноги.

– Это профессор Шапиро? – спросил я.

Мерав бросила взгляд в окно, продолжая идти.

– Нет-нет, – ответила она. – Вообще ни разу. Если хочешь знать, это Мишель Мендель, председатель Объединения читателей мыслей. Совсем не Шапиро.

Она пересекла большую комнату и вошла в дверь в дальней стене. Я поспешил за ней, как оказалось, в кухню отнюдь не меньшего размера, в центре которой стоял серый гранитный островок. Она обогнула его, подошла к одному из шкафов и вытащила оттуда большую миску. Ее голова нырнула куда-то за островком и после непродолжительного шуршания снова вынырнула. На столешнице появилась большая коробочка кукурузных хлопьев (нет ✓✓✓). Мерав, сосредоточенная, высыпала в миску остатки хлопьев и посмотрела на меня.

– Я бы сначала воды попил, – сказал я. – Не думаю, что способен что-то переваривать сейчас.

Она сузила глаза, посмотрела на миску перед собой, будто

впервые ее увидела, и сказала:

– А, не, это мне. Хочешь воды – попей.

Она подошла к холодильнику, вытащила большую пачку молока и вылила его на горку хлопьев.

– Стаканы в шкафчике наверху, – добавила она, вытащила столовую ложку из бокового ящика и вернулась в большую гостиную.

Когда я вышел за ней со стаканом воды в руке, она сидела с миской на животе поперек одного из зеленых кресел, опершись спиной на один подлокотник и закинув ноги на другой, и энергично жевала хлопья.

– Где все? – спросил я.

Она пожала плечами:

– Сидят по своим комнатам, наверное. Читают, отдыхают. Может, кто-нибудь играет в комнате видеоигр на втором этаже. Я тебе потом покажу.

– Животные есть?

– Что удивительно, нет, – улыбнулась она. – У Сиван была собака, но она оставила ее в хосписе, у Аарона Иври есть золотая рыбка. Скоро приедет Михаль, у нее раньше была игуана; не знаю, как сейчас. Вот и все. Кажется, у всех моих знакомых читателей мыслей жила какая-нибудь зверушка. Но большинство приехали к нам без них.

– Это... так странно, – размышлял я вслух, – знать, что тут есть люди на верхних этажах, в соседних комнатах...

– А ты никого из них не слышишь? – Мерав улыбнулась,

продолжая жевать. — То-то и оно. Большую часть времени тут и правда никого нет, только сейчас мы с Шапиро начали собирать всех из-за ситуации.

— Подожди, я хочу понять: Шапиро тоже читает мысли?

— Нет.

— И он не здесь?

— Не в главном здании, — сказала она. — Он рядом с атмосферным шлюзом.

— Чего?

— Ладно, расскажу все по порядку, — сказала она, не переставая жевать хлопья. — Шапиро был известным психологом, бла-бла-бла, погугли потом. Однажды он узнал о читателях мыслей и о наших, скажем так, проблемах с другими людьми. Он понял, что никто ничего не знает и не занимается этими проблемами, поэтому решил помочь. Только вот он не мог полноценно лечить че-эмов, потому что их отвлекали его собственные мысли, а лечить по телефону казалось ему неэффективным или непрофессиональным. Когда он начал, еще не было всяких видеозвонков, удаленное лечение было не принято.

Она повернулась, сменила позу и продолжила:

— Я тебе потом бутерброд сделаю, не волнуйся. В общем, он поехал куда-то в горы, в Непал, я думаю, может, в какой-нибудь монастырь на скале или что-то в этом роде, и сидел там лет пять. Медитация, дыхание и все такое, я в этом не понимаю ничего. Он учился управлять мыслями. Не до кон-

да выучился, не думаю, что тут можно добиться совершенства за несколько лет, но уж точно лучше обычного человека. У него своя фишка, своеобразный якорь – базовая мысль, к которой он возвращается, когда чувствует, что теряет фокус. Такая картинка с одиноким деревом посреди пшеничного поля. Видимо, что-то из детства. Каждый раз, когда я вижу это дерево, то понимаю, что он рядом.

– У Шапиро, который приезжал за мной в больницу, тоже было такое дерево.

– Ну да, Нати тоже должен был придумать себе якорь, но ему, видимо, слишком понравилась идея с деревом. Не важно. Короче, он основал этот центр. Место. Купил землю и построил этот странный особняк – ваннные комнаты, спальни, гостиные. Две кухни, все дела, практически маленький отель. Он нанял архитектора, и тот спроектировал территорию, похожую на гольф-клуб, и построил для него отдельный домик с краю. Достаточно далеко от основного здания, чтобы тем, кто внутри, не были слышны его мысли, но достаточно близко, чтобы быть вместе со всеми. Идея была в том, чтобы на несколько недель приглашать сюда читателей мыслей и проводить для них мастер-классы – встречи, тренинги, как находиться среди других людей, план лечения, чтобы в итоге было легче контактировать с внешним миром.

Она соскребла ложкой остатки хлопьев, съела их, а потом поднесла миску к лицу и допила остатки молока.

– Приступим к оладушкам, – сказала она. – Хочешь?

– Мм... пожалуй, приступим, – согласился я.

Мы снова пошли в кухню.

– Так у него получилось? – поинтересовался я.

Она шла впереди меня и рассказывала на ходу:

– Тут было не бог весть сколько подопечных поначалу.

Меня он нашел в тот период, когда я ночи напролет бродила по тихим улицам, по берегу моря, по крышам зданий, ну, ты и сам знаешь. Однажды на ночном сеансе в каком-то маленьком кинотеатре в Тель-Авиве я впервые увидела одиноко стоящее дерево. Он сидел на противоположном конце моего ряда и общался со мной при помощи мыслей. Но когда я сюда приехала, я была единственная.

Теперь она уже активно шарила по кухонным ящичкам и шкафчикам, чувствуя себя как дома, зная, где что лежит.

– Труднее всего нас найти. Если подумать, мы не кричим на весь мир, что читаем мысли, потому что это привлекает излишнее внимание людей. Большинство предпочитает тишину и секретность. Так что львиная доля работы Шапиро – это выйти на читателей мыслей, разыскать их. Потом еще надо убедить приехать сюда, а когда приедут – пройти с ними весь курс. Мне кажется, я одна из немногих, кто действительно дошел до конца.

– И как тебе сейчас после терапии? – спросил я, глядя, как она мешает тесто. – Нет проблем?

– Чуда не случилось, – сказала она. – Достань вон оттуда сковородку и масло, пожалуйста. Масло в шкафу-кладовке,

вон там сбоку. Я действительно гораздо лучше могу держать себя, по большей части умею отличать, какие мысли – мои, а какие нет, но не в совершенстве. Совершенства не бывает. Всегда есть знак вопроса. Если вокруг слишком много людей, даже я не выдержу. Но я могу вести машину или идти по улице не в час пик, могу – если повезет – сидеть в кафе с еще тремя-четырьмя людьми вокруг, при условии, что они достаточно далеко. Я всегда интуитивно понимала, как это работает, что надо найти свой якорь, понять, какие мысли мои, узнав себя получше, но сказать легче, чем сделать. Благодаря Шапиро я освоила пару приемов, нашла несколько более или менее надежных якорей.

– Не то что я, – сказал я, наливая масло на сковородку. – И как вы разыскали людей?

Она начала жарить оладушки, и сладковатый запах разлился в воздухе.

– Ну, во-первых, был список. Шапиро составил список всех читателей мыслей в Израиле и в мире, и мы выходили на связь с теми, до кого могли дотянуться. Рассказывали им о себе и предлагали приехать. В основном связывалась с ними я, стала кем-то вроде контактного лица, ездила туда-сюда по Израилю и по миру, встречалась с читателями мыслей. Большинство предпочитало, чтобы их оставили в покое, часть уже вступила в объединение, которое Мендель создал, и им этого было достаточно. Мы старались хотя бы добавить их в список рассылки или записать номер телефона.

– А как Шапиро составил список?

Она подняла бровь в легком раздражении:

– Исследования, связи, откуда мне знать? Он делал всю работу, сидя у себя в домике, и иногда звал меня, чтоб выдать очередное имя. Думаю, что еще наши люди помогали.

– Наши люди?

– Это во-вторых. Шапиро со временем создал целую сеть, свою агентуру – из обычных людей, не-читателей мыслей, которые сообщали ему обо всем, что могло быть связано с читателями мыслей, о которых он не знает. Например, ты. Наш человек в больнице услышал о твоём обмороке на вечеринке, увидел, что это подходит под определенные параметры, которые мы ему выдали, и связался со мной.

– И вот я здесь, – сказал я себе под нос. – А что за «атмосферный шлюз»?

– Чего? – Она положила очередной оладушек на стопку.

– Ты сказала, что Шапиро живет у атмосферного шлюза.

– А, это как у космических кораблей. Просто мне нравится научная фантастика. Есть закрытый отсек, который отделяет корабль от открытого космоса, и через него можно входить и выходить. У нас есть склады на окраине за деревьями, туда приходят все посылки и доставки. Еда, топливо для генератора, такого рода вещи. Каждый раз, когда мы заказываем доставку, они приезжают и оставляют все там. Когда курьеры уезжают, я прихожу и забираю все в главное здание. Атмосферный шлюз гарантирует, что не произойдет утеч-

ки воздуха, когда надо выйти наружу, так и тут – мы просто не появляемся в районе складов, когда приезжает доставка, и мысли не просачиваются внутрь. Шапиро живет в домике рядом со складами.

В своем домике. Я представил себе маленькую хижину из потемневшего и подгнившего дерева посреди густого темного леса, дверь со скрипом открывается, искушает, манит в темноту, шепчет...

– Эй, ты меня слушаешь?

Я вернулся в реальность.

– Да-да, извини, – пробормотал я. – Я просто... на минуту задумался... я...

– Заснул, – постановила Мерав. – Или просто отключился. Давай-ка отведем тебя в комнату. Я собиралась тебя поспрашивать о том, что произошло, но отложим это на несколько часов. Отдохни, а там видно будет.

Она энергичным шагом вышла из кухни, и я поспешил за ней.

Моя комната тоже выходила окнами на лужайку. Видимо, без мебели она была бы просторной, но сейчас между стен, обклеенных обоями, имитирующими темное дерево, каким-то чудом разместились: маленькая кровать слева от двери, диван серовато-бежевого цвета, полки с книгами, пустая цветочная ваза, цветная пыльная занавеска и письменный стол, на котором лежали блок стикеров и синяя ручка. Еще там стояла белая, в розовый цветочек тарелка, а

на ней – стопка оладушков (может, вы удивитесь, но – нет ✓✓✓✓✓✓✓).

Мерав села на кровать, отклонилась назад, опершись на одну руку и держа во второй свернутый оладушек, от которого периодически откусывала. Ее беззаботность контрастировала с тем, что все еще чувствовал я: стесненность в груди, так что было трудно дышать. Вчера в это время я был в... или это было не вчера?

– Наверное, бешеных денег стоило построить это место, содержать его... – Я пытался перенести нас в плоскость светской беседы.

– Меньше, чем кажется, на самом деле, – сказала она с набитым ртом. – Шапиро из очень, как бы это сказать, благополучной семьи. И он, видимо, принял в жизни несколько очень верных финансовых решений...

– Не обошлось без скромной помощи читателей мыслей, которым он помогал?

– Может, да; может, нет – не знаю. – Она будто бы напряглась. – Деньги к деньгам тянутся, что я тебе могу сказать.

Я оглядел окрестности через окно, в которое был виден газон, простирающийся до горизонта. Мы что, попали в аттракцион неслыханной щедрости, устроенный чудаковатым миллионером?

– Отдыхай, сколько тебе нужно, – продолжила она, – приди в себя, успокойся, а потом спускайся. Познакомим тебя с остальными жильцами. Ты столько времени был без созна-

ния, так что еще пара часов погоды не сделают.

– А сколько времени я был без сознания? – спросил я. – Два дня? Неделю?

– Три месяца, – сказала Мерав. – Ну и дампинг, конечно. Как ты еще на ногах стоишь после этого?

– Три месяца?! – поразился я. Да уж, явно не вчера. О боже.

– Да. Шапиро смог устроить, чтобы ты оставался в больнице и тебя не переводили куда-нибудь в реабилитационное учреждение. Там Нати мог присматривать за тобой, – сказала она.

– Что... что я пропустил? – пробормотал я.

– Не переживай, ничего важного в мире не случилось, кроме того, что кто-то пытается уничтожить всех че-эмов, по всей видимости, – проинформировала меня Мерав. – Если будет что-нибудь нужно от меня, то моя комната на первом этаже, в конце коридора по правой стороне. Если не найдешь, выйди на улицу и прокричи что-нибудь. Кто-нибудь да придет.

– И все?

– И все, – ответила она.

Она серьезно думает, что я просто так потерял сознание? Думает, что мне надо всего лишь «прийти в себя»?

– Я не по своей воле оказался на той вечеринке, – сказал я.

– На которой был дампинг?

– Да. – Я вдруг понял, что хожу туда-сюда по маленькой

комнате, будто по клетке.

– Я так и подумала, – сказала Мерав.

– Меня туда привезли, – объяснил я. – Одна девушка, читательница мыслей, моя давняя приятельница, приехала ко мне домой. А потом вытащила из дома, угрожая пистолетом, отвезла меня на эту вечеринку и сбежала.

Мерав встала с кровати и посмотрела на меня:

– Почему она это сделала? Что-то личное?

– Не думаю, – сказал я, – вряд ли.

– Думаешь, она пыталась тебя убить?

– Нет... тоже вряд ли, – сказал я.

– Ну да. – Мерав облизала пальцы. – Чтоб тебя убить, она могла просто пустить тебе пулю в лоб. Зачем так мучиться и тащить тебя на какую-то вечеринку? Зачем тебя дампить?

– Говорю же, понятия не имею, – ответил я.

– Может, они решили начать с тебя и подумали, что вечеринки хватит, чтобы...

– Начать что? Ты все время говоришь, что кто-то убивает читателей мыслей...

Даниэла хотела меня уничтожить? Нет, что-то тут не клеится.

– Может, сначала поспишь, а потом поговорим... – сказала она.

– Нет уж, – ответил я поспешно. – Я хочу понять, что происходит.

– Тебе надо немного отдохнуть... – начала она.

– Я двенадцать недель отдыхал! Если кто-то хочет меня уничтожить, мне нужно... нужно... – Я прислонился к стене, голова немного закружилась.

Мерав задумалась, склонив кудрявую голову и поджав губы. Она видела, что меня то и дело пробирает дрожь – может, от напряжения, а может, от слабости.

– Ладно... – сказала она наконец. – Подай еще оладушков.

– Ну смотри, – сказала она. – К примеру, Ланс, читатель мыслей из Франции. У него был подземный клуб на одной из улочек Парижа вдали от центра, сеансы чтения мыслей для небольшой публики. Достаточно зрителей, чтобы зарабатывать на жизнь, но не более того, как мне кажется. Тихий, милый парень, но на каждом представлении выкидывал что-нибудь экстравагантное. Жил один в каком-то подвале в здании, которое выкупил полностью и выгнал всех жильцов. Лучшую пищу в своей жизни я ела в его подвале. Ему не было равных в компьютерных играх, он изучал психологию по интернету, надеялся, что это ему поможет лучше читать мысли, а может, хотел людям помогать.

– И что с ним случилось?

– Подвал затопило. Трубу прорвало, когда он спал.

– Может, это был несчастный случай.

– Может. Но маловероятно, чтобы он уснул прямо в одежде, в которой был на представлении, и не проснулся вовремя, чтобы выйти из подвала. Он обычно не спал до утра после каждого представления, пил грейпфрутовый сок и делал дыхательные упражнения, чтобы успокоиться после всех мыслей, которые прошли через него за вечер.

– О'кей, – сказал я, – это один, раз мы такие подозрительные.

– Вторая – Эрика. Тут уже серьезнее. Специальный советник премьер-министра Великобритании по вопросам разведки. Она сопровождала дипломатов в важных поездках, сидела себе в сторонке в зале для переговоров, а потом рассказывала британцам, каковы реальные намерения присутствующих. Суперсекретная должность, пятнадцать лет на ней, тайное оружие британской разведки.

– Если это так секретно, откуда ты знаешь?

Мерав посмотрела в сторону, скрестила ноги и смахнула невидимую ниточку с колени.

– Мы были подругами, – сказала она тихо. – Я однажды была на приеме в аргентинском посольстве, искала другого че-эма, и мы обе поняли, что не слышим друг друга. Мы поговорили немного, я даже пыталась ей сосватать кое-кого. Потом мы переписывались по мейлу. Я сопоставила несколько ее рассказов и поняла, чем она занимается.

– Ты спрашивала ее?

– В лоб – нет. Она, конечно, не признавалась ни в чем.

– То есть ты не уверена.

Мерав посмотрела на меня даже не раздраженно, а просто озадаченно:

– А ты из этих, да? Если я тебе говорю, что она была шпионкой, то она была шпионкой. Если уж на то пошло, удивительно, что половина из нас не работает на спецслужбы.

– Это бы весь смысл убило, если бы все разведчики читали мысли. Мы бы не могли читать друг друга.

Озорная улыбка пробежала по ее лицу, но потом она снова стала серьезной.

– Мы нашли ее с ножевыми ранениями под мостом. В официальном полицейском отчете написали, что это ограбление, просто ограбление. У нее забрали кошелек, потом его нашли выброшенным в двух кварталах от места преступления, без денег. Но я уверена, что это не было ограбление, и я уверена, что британская разведка тоже не верит в ограбление.

Я осторожно пробормотал:

– А может, это и в самом деле было ограбление?

– Ее ударили ножом сзади.

– Не всегда грабители подходят спереди и представляют-ся.

– Она же мысли читает, ну! – вздохнула Мерав, словно пытаясь объяснить пятилетнему ребенку основы теории относительности. – Ты думаешь, она бы не почувствовала, что кто-то приближается сзади? Она бы услышала его метров за десять. Почему же этого не произошло? Ты, кстати, тоже не услышал девушку, которая напала на тебя.

– Да, – сказал я. – Насчет меня правда.

– И на том спасибо, – сказала Мерав. – Ланса убили примерно два с половиной месяца назад, вскоре после того, как тебя дампинговали. Эрику – еще через две недели. А через неделю после нее – и третьего. Авруми.

Она вытащила свой телефон и подала мне.

– Что это? – спросил я.

– Фотографии, – ответила она. – Из полицейского дела.

На экране я увидел маленькую захламленную комнату, сфотографированную с нескольких ракурсов. Не более восьми квадратных метров, старая и облупленная, с большими глухими промышленными окнами и голыми стенами. Я листал фотографию за фотографией, двигаясь вместе со взглядом полицейского фотографа, пока на одной из них не показались в уголке голые ступни на полу. На следующей фотографии уже было тело целиком.

Оно лежало на полу рядом с кроватью, как бы прислоненное к ней, на боку, одной небритой щекой в небольшой луже рвоты. Колени прижаты к животу, а руки вытянуты вперед, словно умирающий пытался ухватиться за что-то в этом мире, покидая его. Пересохшие глаза были широко раскрыты.

– Это он? – спросил я.

Она снова кивнула.

– Чем он занимается, то есть занимался? – спросил я, не в силах отвести глаза от экрана.

– Авруми... Авруми занимался торговлей. Акции, опционы, всякие ценные бумаги, финансовые штуки, в которых я ничего не понимаю, – сказала Мерав. – Между нами говоря, я не уверена, что он сам понимал.

– Где он работал?

– У него был маленький офис. Склад, который он снимал на парковке под офисом одной инвестиционной фирмы.

Компьютер, быстрый интернет и способность улавливать настроения в здании над ним – это все, что ему было нужно. Он умел определять, когда волнуется одна половина здания, а когда другая, когда третий этаж напрягся, а когда на верхнем этаже переполох из-за сообщения, что надо скупить акции какой-нибудь новой фирмы. Он был всегда на шаг впереди этих инвесторов. Один из самых спокойных и педантичных читателей мыслей, которых я знаю. Очень помог мне в начале пути.

– Помог чем? – спросил я, но она не ответила. Откусила от оладушка, который был у нее в руке, и уверенно посмотрела на меня своими большими глазами:

– Он обычно звонил – по крайней мере раз в неделю, чтобы спросить, как дела, поговорить со мной, с Шапиро. В тот день, когда он должен был снова позвонить, полиция и обнаружила его. И хорошо, что она. Не хочу даже думать, что было бы, если б я зашла его проведать и увидела это все.

– Почему к нему приехала полиция? – спросил я.

Если бы я умер в своем доме, меня бы месяцами никто не хватился...

Мерав ухмыльнулась, вытирая дорожки слез, образовавшиеся у нее под глазами.

– Авруми помогал полиции, вел допросы. По крайней мере раз в месяц его вызывали. Он ушел из профессии лет десять назад, сказал, что из-за работы у него кошмары, но иногда его все же просили приехать на особые задания. Вот и

тогда тоже. Он им понадобился, ему позвонили, он не ответил, они специально приехали и обнаружили его.

– Серьезно?

К своему стыду, я почувствовал себя несколько уязвленным. Мне казалось, что я туз, который прячут в рукаве, что я особенный. Надо было догадаться. В каждой колоде несколько тузов.

– Я тоже на них работаю, веду допросы, – тихо сказал я.

– Правда? – Мерав посмотрела на меня. – Может, это как-то связано. Может, пытаются устранить тех, кто работает на полицию...

– Меня никто не пытался «устранить», – пробормотал я.

Я продолжил листать фотографии. Тело Авруми было сфотографировано еще с нескольких ракурсов. А потом появилась фотография маленького столика в центре комнаты, который на предыдущих фотографиях был виден не полностью или обрезан. Небольшой стеклянный столик, а на нем целая батарея бутылок – виски (да ✓✓✓✓✓✓), водка (нет ✓✓✓), несколько банок пива, а еще маленькое зеркальце с остатками какого-то белого порошка. На этом столике уместился целый праздник отчаянья, пьянства и дурмана.

– Алкоголь, – сказал я. – Лучший друг читателя мыслей, которого все достало. Кажется, твоему приятелю очень нужно было развеяться.

– Авруми практически не пил, – возразила Мерав, почти обидевшись за него. – Он обычно выпивал одну бутылку пи-

ва за вечер, чтобы немного затуманить сознание, и все. Шел спать. И он никогда не пил «Хайнекен», который тут стоит. Только «Карлсберг».

Она подошла так близко, что я почувствовал мятный запах ее шампуня, и указала мне на открытую бутылку водки, которая валялась около стола.

– Эта бутылка «Грей Гус» у него уже лет десять лежала в морозилке. Он собирался выпить ее, только когда сын женится.

– У него есть сын?

– Да, в Калифорнии. Они уже много лет не разговаривают, но он следит за его жизнью издалека. Эту бутылку водки он держал для особого случая, – сказала она. – Подожди-ка, смотри. Перемотай на ФТ-четыре.

– Что? – не понял я.

– Фотографию, там в углу кодовый номер, – сказала она.

Она указала на желтоватые буквы в углу фотографий, а потом пролистала вперед. Было два типа фотографий: названия одних начинались на ОС, других – на ФТ. ОС-1, ОС-2, ОС-3... Фото, на котором был стол целиком, – ОС-9.

– Если я правильно помню, то ОС – это сокращение от «обзорная съемка».

– А что такое ФТ?

Она просмотрела еще несколько фотографий и остановилась на ФТ-1.

– А... – вырвалось у меня.

– «Фотосъемка трупа», – тихо сказала она.

Я пролистнул три фото и открыл ФТ-4. На нее было смотреть проще, чем на остальные. Крупный план головы мертвого читателя мыслей. Большое ухо, занимавшее почти весь экран, короткие растрепанные волосы, длинная щетина. Само лицо, профиль, не поместилось на фотографию.

– Зачем нам на это смотреть? – спросил я.

– Вот тут, гляди, – сказала она.

Она указывала пальцем на что-то за ухом мертвеца.

– Что я должен увидеть?

– Вот эту точку за ухом.

– Похоже на какой-то укус, – сказал я.

– Нет, – возразила она. – Это след от иглы шприца. К нему подошли сзади и что-то вкололи.

– Если подошли сзади, это значит, что...

– Что это был другой читатель мыслей. Как и у тебя, и у Эрики.

– На первый взгляд.

– Ой, перестань уже. Ты знаешь, что так и есть.

Нет, я не знал, что так и есть. Вдруг я понял, насколько вся паника высосана из пальца и основана на чередовании совпадений. Мерав полагала, что речь идет о каком-то большом заговоре. Но...

– Но кто все это делает?

– Не знаю, – сипло произнесла она.

– Так... может, ерунда это все? – неуверенно спросил я.

– Это не ерунда, – сказала она. – Если хочешь жить, лучше тебе остаться тут, пока все не выяснится.

– О'кей, – согласился я. – Два последних вопроса.

– Точно последних?

– Обещаю.

– Слушаю.

– Кто такой Гади? – спросил я.

Мерав повернула голову и внимательно посмотрела на меня. Наконец сказала:

– Не знаю. Есть некто Гиди, частный сыщик, он помогает нам искать читателей мыслей. Может, ты его имеешь в виду?

– Нет, именно Гади.

– Тогда не знаю. А второй вопрос?

А с чего вдруг мне ей доверять?

Мне никогда не доводилось сильно полагаться на другого человека, мне никогда не приходилось верить кому-то, кого я даже не слышу. Что-то тяжелое и плотное разлилось в воздухе, и холодок от понимания, что меня кто-то ищет, что сети, расставленные огромной розыскной командой, опутывают меня, прополз у меня под кожей. Мне надо бороться, мне надо бежать, мне надо дать отпор, мне...

– Что такое «белый экран»? – спросил я.

– Это какая-то кодовая фраза, что ли? – спросила она. – Позывной сигнал? Или ты имеешь в виду именно предмет? На котором фильмы показывают, или, например...

– Не важно, – отмахнулся я. – Я думал, может, тебе это о

чем-то говорит.

Она резко встала и молча протянула мне руку.

Я уже было отдал ей телефон, как вдруг внезапно вспомнил кое-что и поинтересовался:

– Могу я быстренько позвонить с твоего телефона?

Она на несколько секунд удивленно подняла брови, молча посмотрела на меня и наконец коротко спросила:

– Кому?

– Ты где? Почему не отвечаешь на сообщения? О какой поездке ты говоришь? – повысил голос генерал-майор на другом конце провода.

Каждый раз, когда я разговаривал с генерал-майором («Когда ты начнешь называть меня Амнон?»), я представлял его по-новому. Коренастый и усатый, с сияющей лысиной, зелеными глазами, смотрящими прямо в душу, или высокий, с орлиным носом и длинными пальцами, которые беспрерывно играют красным резиновым шариком. Я представлял, что он никогда не снимает солнечные очки и курит дешевые сигареты одну за другой, стиснув тонкие губы и поигрывая бровями, частично приоткрывающими завесу тайны над тем, что происходит в его беспрерывно работающей голове.

Генерал-майор любил полунамеки. Он верил в то, что вода камень точит, в бесполезность споров, во власть недосказанности. «„Да“ и „нет“ – это два самых сильных слова, – сказал он мне как-то раз во время ночного телефонного разговора, – но, чтобы сдвинуть мир с места, достаточно прошептать в нужное ушко „может быть“». – «Я не понимаю», – сказал я. «Я не утруждаю себя тем, чтобы убедить кого-то в своей правоте. Я сею в собеседнике маленькое зерно сомнения, чтобы он потом сам сменил свою точку зрения. Может, мне не достанется никаких лавров за это изменение, но мой

визави, даже не осознавая этого, будет стоять именно на том крестике, который я нарисовал».

Генерал-майор (ладно, буду называть его Амнон) только один раз встречался со мной лично. Это было во время нашего первого знакомства, и я был пьян настолько, что с трудом мог вести связный диалог. Я вообще толком ничего не помню о том вечере, кроме того, что это и правда случилось. Амнон узнал, кто я, что я, и с тех пор мы с ним общались только по телефону и почте. Думаю, у него было несколько секретов, которые он не хотел бы мне раскрывать.

– Я в надежном месте, – я постарался, чтобы мой голос звучал спокойно, – но мне надо, чтоб вы мне помогли понять, что происходит.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, почесывая блестящее темечко, делая последнюю затяжку или глядя на улицу из окна офиса на здания, на зеленеющие холмы, на оживленную транспортную развязку, а может, просто на белую стену дома напротив.

Я ему вкратце рассказал, что произошло. Гость на пороге, обморок на вечеринке, поездка в уединенное место, неизвестно куда, знакомство с энергичной читательницей мыслей.

– Ты серьезно? – спросил он. – Ты мне прислал эсэмэску три месяца назад, что уезжаешь за границу на неопределенный срок, что тебе нужно побыть одному. И еще написал, что увольняешься.

– Нет, – сказал я, – это был не я...

На другом конце линии повисла тишина. Я слышал, как он медленно дышит через нос. Я, по правде сказать, не помню, чтобы он когда-либо выходил из себя, злился. Даже когда давал мне команды в наушник во время напряженного допроса, когда смотрел на нас из своего офиса и периодически посылал мне короткие указания, его голос был медленный и уверенный. «Сосредоточься на местоположении тела», «Спроси, как они деактивировали музейную сигнализацию», «Имена, дружище, мне нужны имена». А сейчас я услышал несколько приглушенных ругательств, как будто он прикрыл рукой трубку, чтобы впервые позволить себе разозлиться.

– Ладно... Дай мне навести справки, – сказал он, когда вернулся ко мне. – Я бы к тебе охрану прислал, но ты же не можешь находиться рядом с другими людьми. Может, один из наших домов-убежищ освободится. Попробую поискать что-нибудь удаленное.

– Спасибо, очень ценю. Но я, кажется, нашел себе убежище на первое время.

– Ты понимаешь, почему она тебя похитила?

– Нет, – сказал я с сомнением. – Мы дружили когда-то. Но это не дает даже намек почему.

– Назовешь мне имя?

Может, его тоже спросить о Гади?..

– Даниэла.

– Даниэла, а фамилия?

– Тогда ее, кажется, звали Даниэла Мишор.

Он поворчал. Не потому, что его что-то раздражало, просто он всегда так разговаривал. Он думал в тишине на другом конце линии.

– Кто-то пытался вывести тебя из игры. Может быть, что-то задумал и не хотел, чтоб ты оказался рядом и помешал. Видимо, этот кто-то знает, что ты наш туз.

– Сомневаюсь, что кто-то, кроме вас, меня так называет, Амнон.

Мы встретились в Лас-Вегасе лет десять назад. Мне было двадцать с чем-то лет, я вел ночной образ жизни.

То есть не в том смысле, что я ходил на вечеринки, или в клубы, или что-то такое, а просто жил в основном ночью.

Я часто переезжал, не мог найти подходящего места, где поселиться, жил то в полуразрушенном доме на городской окраине, то в заброшенной квартире за коровником в каком-нибудь поселке, то в заводской сторожке в промышленном районе. Спал днем, работал в ночную смену или сидел дома, читал и смотрел кино на маленьком телевизоре.

А еще, конечно, был алкоголь. Когда я был моложе, я смутно ощущал те чувства, которые шелестели вокруг меня, иногда улавливал обрывочные сигналы ощущений, проблески размышлений. С течением времени становилось все труднее и труднее абстрагироваться, прятаться за бетонной

стеной от оглушительного боя барабанов чужих мыслей. Поначалу алкоголь помогал. Я нырял в него как в бассейн, он позволял мне двигаться под водой и слышать только самые сильные басы той музыки, что играла снаружи, он превращал звучащие во мне чужие разговоры в белый шум, в отдаленный шорох.

Наконец я нашел для себя не особенно полезный организму коктейль из алкоголя и успокоительных таблеток, который помогал мне держаться, когда нужно было участвовать в людных мероприятиях или появляться в той или иной компании. Чужие голоса, может, и оставались за стеной, но и мой внутренний голос оказывался задушен, затолкан в угловую комнату, набитую черной ватой, или спрятан под огромной подушкой, полностью покрывавшей его лицо; подушка иногда поднималась и позволяла глотнуть воздуха, но заглушала любой крик.

Временами – в те дни, когда я был особенно смел или глуп, – я отправлялся бродить по улицам, забредал в какой-нибудь клуб, где, как следует напившись, танцевал один до упаду, только чтобы назавтра проснуться с дикой головной болью и думать: с чего, черт побери, я решил, что оно того стоит? Очевидно, мне просто хотелось побыть с людьми, я скучал по той тонкой воображаемой линии, которая отделяет меня от других, но через секунду растворяется, и они просачиваются внутрь меня.

Когда я нашел сайт «Объединения читателей мыслей»

с дурацким синим фоном, аляповатым шрифтом и чересчур большим количеством курсива, то подумал на мгновение, что нашел таких же людей, как я. На протяжении трех дней я пытался отправить сообщение через всплывающую форму «Свяжитесь с нами» и после тщетных попыток пришел к выводу, что это не более чем очередная остроумная шутка людей с кучей свободного времени.

Я ненавидел эту жизнь. Ненавидел ночь, ненавидел тот факт, что могу бодрствовать только ночью, когда нет людей. Я думал было переехать на какую-нибудь отдаленную ферму на склоне горы или улететь на какую-нибудь испещренную трещинами скалу, однако мои мечты разбивались об отсутствие денег.

Еще у меня были они. Орли28 и безымянный3, а еще круассан_на_масле_форева, и хочу_кубок, и красавчик_ди-аз. и DontAskName, и StreetLamp92, и нонимони. Кто-то из них знал о моей способности или, точнее, о моей «проблеме». Я с опаской выбирал, кому рассказать, отлично понимая, что они, скорее всего, подумают, что я вру или – хуже того – что я сумасшедший. Реакции разнились от осторожного сочувствия до острого недоверия и, конечно же, воодушевления на пустом месте.

В случае с нонимони, например, реакции почти не последовало. Он воспринял это как очередной ярлык, который можно наклеить на меня и принять к сведению. Только спустя несколько месяцев после первого признания, во время

ночного разговора, плавно перешедшего в жалобы на жизнь, он обмолвился на эту тему:

нонимони: А почему ты не используешь свои способности?

паддингтон2: Что ты имеешь в виду?

нонимони: Ты же говорил, что умеешь слышать чужие мысли. Наверняка так можно заработать кучу бабла

паддингтон2: Ты имеешь в виду сеансы, что ли? Я не могу выступать на публике... точно не один, разве что с кем-нибудь

нонимони: Не, не сеансы. Там все про разное думают. Про покер или что-нить такое

паддингтон2: Еще хуже. Я буду играть за других, буду принимать решения по их мыслям

нонимони: Если будешь цепляться за свои карты, то нет

паддингтон2: Это как?

И он был прав. Розданные карты могут быть «якорем», чем-то во внешнем мире, что возвращает меня снова и снова в мои собственные мысли, чем-то, что отделяет мой мир, мою игру от чужой игры. Я мог видеть и чувствовать карты всех, кто сидит за столом, мог понять, как они рассуждают, мог предугадать, когда они действительно собираются поднимать ставку, а когда блефуют, просто потому, что я чувствовал, что сам собираюсь сделать это. Но потом я смотрел на свои настоящие карты и падал обратно в свои мысли,

в свою игру. Вдруг граница между моими мыслями и всем остальным миром проявилась. Это сработало.

Я начал с маленьких, частных игр на дому. Конечно, только поздно ночью, чтобы у меня в голове не было никого постороннего, кроме игроков за столом, никакого тумана лишних мыслей. Через несколько месяцев я уже начал подыскивать ту самую отдаленную ферму где-нибудь на севере, о которой мечтал. Но вдруг, окрыленный успехом, я решил слетать в Вегас, побыть там несколько месяцев и обеспечить себе безбедную жизнь раз и навсегда. Чтобы осилить долгий перелет, я накачал себя алкоголем и таблетками за минуту до посадки, а после приземления, когда все вышли, вразвалочку покинул самолет под изумленными взглядами стюардов.

Я и в Вегасе выбирал игры, проходившие в отдельных дальних комнатах, почти без публики, и постепенно увеличивал свой стек⁴ и количество игроков, с которыми мог сидеть за столом. Между играми я вытаскивал свой блокнот, не только чтобы напомнить себе, что мне на самом деле нравится пить, и заказать ровно это, но и чтобы занести в таблицу характеристики игроков. Они думали не только о картах, но их настроение и мысли, даже если напрямую не касались игры, выдавали их дальнейшие тайные намерения. На каждого была заведена отдельная колонка.

⁴ *Стек* – количество фишек у игрока в покер на момент раздачи.

Рука	Шансы	Рыжий, в шляпе	Черный костюм, переборщил с дезодо- рантом	В солнеч- ных очках, небритый, выпил бока- ла четыре
Ничего	0.995:1	Ну, погнали	Черт	Олл ин! Олл ин!
Пара	1.37:1	Жизнь дерь- мо, откровен- ное дерьмо	Да тут навер- няка кто- нибудь игра- ет еще хуже, чем я	Фу, блин
Две пары	21:1	О чем они думают?	Я тут уже слишком дол- го торчу	Олл ин?
Сет	46.3:1	Ну-ка, по- играем	Я прямо Джеймс Бонд!	Олл ин!
Стрит	254:1	Сегодня сумасшедшая игра, просто чума	Надо выпить	Ничего себе какая крутая комбинация
Флеш	508:1	А сколько осталось в колоде?	Надо выпить	Так, это хоро- шо или плохо? Насколько это часто встречается?
Фулл- хаус	693:1	Вот это класс, бро, вот это класс!	Надо поссать	Олл ин!

Я уже мог жить и днем. Мог проводить сутки напролет за долгими играми, снова и снова побеждая, но также стараясь иногда проигрывать, чтобы не вызывать подозрений. Я был тем самым игроком, на которого все остальные поначалу смотрят свысока, – почти не разговариваю, тяжело дышу (из-за усилий, прикладываемых на то, чтобы обработать мысли, проходящие через меня) и бесконечно проверяю свои карты, что выдавало отсутствие опыта, неуверенность, может даже Obsession.

В конце дня я обналичивал фишки в кассе казино или клуба, в котором играл, и отправлялся пить и танцевать до поздней ночи. На следующий день после плотного то ли завтрака, то ли обеда я приводил в порядок мысли при помощи пары больших чашек кофе и снова отправлялся на охоту. Благодаря этому занятию я смог купить себе кусок земли на краю леса и построить большой дом из стекла, о котором всегда мечтал, – прозрачный, если смотреть наружу, непроницаемый, если смотреть внутрь, с огромным садом вокруг и с обстановкой, которую Даниэла окрестила «балаган-ну-что-за-балаган».

Однажды ночью в Вегасе, за неделю до возвращения домой, он ко мне подошел. Амнон, агент сыскной полиции, нонимони. Он сел рядом со мной и представился. Кажется, его голос тогда был другим. Голос я еще худо-бедно помню, но даже под дулом пистолета не смогу вспомнить лицо. Так вот,

он предложил мне сотрудничать, быть тем самым «тузом в рукаве» у полиции. Он внимательно следил за моими играми в покер из диспетчерских комнат разных клубов, которые давали ему доступ после предъявления серьезной корочки, и у него создалось впечатление, что я говорю правду.

Я не помню ничего из нашего разговора, но когда я вернулся в Израиль и открыл дверь своего дома, то обнаружил на полу конверт с номером телефона, который мне следовало выучить наизусть, а сам конверт уничтожить. С тех пор я специальный помощник генерал-майора Амнона Аарони и лучший следователь в мире.

– Спустя неделю после того, как ты исчез, ограбили банк, – сказал Амнон, задумавшись. – Может быть, хотели удостовериться, что ты точно не приедешь, если что-то пойдет не по плану.

– Заложники?

– Не было. Но могли быть. Они ворвались в банк за десять минут до закрытия. Забрали все деньги, которые лежали не в сейфе, примерно двести тысяч. Сделай кто-нибудь глупость – и легко могли бы быть заложники.

– Сколько человек?

– Трое. Только женщины, судя по камерам. Женская банда. Такое нечасто бывает. Думаешь, она была одной из них?

– Нет, вряд ли она из тех, кто мог бы стать грабителем.

– А из тех, кто похищает и чуть не убивает?

– Мм... Пришлите мне фотографии с камер наблюдения, и скажу... может быть...

– Странно. Ради двухсот тысяч пойти на убийство? Еще и знакомая?

– Отправьте мне фото, и посмотрим, говорю же. Что еще произошло?

– Все, больше ничего особенного. Была парочка допросов, на которых ты бы не помешал: несколько подозреваемых в убийстве, еще один – как мы думаем, занимается нарко-трафиком – и несколько молодчиков, которых мы застукали бродящими вокруг ювелирного магазина, – короче, ничего серьезного.

– Отправьте мне фото и информацию. Вдруг что-то щелкнет.

– Может, кто-то просто не хотел, чтобы ты в принципе путался под ногами, – рассуждал Амнон вслух, – может, они натворили что-то, о чем мы еще не знаем, а может, еще только замышляют. В любом случае тебе надо быть осторожным.

– Амнон, вам знакомы другие читатели мыслей?

– Кроме тебя? – спросил он. – Нет.

Я мог с тем же успехом спросить, изменяет ли он своей жене. Нет ни одной причины, по которой он сказал бы «да».

– Точно не знаете еще одного следователя полиции, который тоже читает мысли? Некто по имени Авруми?

– Кто это?

– Еще один читатель мыслей, его убили недели две на-

зад, – ответил я.

На несколько секунд с той стороны повисла тишина.

– Никогда о нем не слышал, – сказал он, – а откуда ты знаешь?

– Друзья рассказали, – ответил я, наградив Мерав, которая лежала на кровати и жевала оладушек, глядя в потолок, пока еще не заслуженным ею званием. – Может быть, я не один такой.

– Меня наверняка привлекли бы к подобному делу, – сказал Амнон. Подумав секунду, он добавил: – Ладно, пока что старайся не светиться и дай мне навести пару справок.

– «Не светиться» – это мое второе имя, – сострил я.

– Знаю, знаю, – сказал он, – но сейчас будь еще более осторожен. И выходи на связь хотя бы раз в двадцать четыре часа.

– Слушаюсь, командир.

– Смейся сколько хочешь, но кто-то явно хочет тебе навредить, и он знает твои слабые стороны. То, что случилось, может быть и предупреждением.

– Ладно, ладно. Буду на связи. Отправьте мне материалы на мейл, я найду способ залогиниться и прочитать. Может, это даст нам что-нибудь.

– Осторожнее там, – сказал он и отключился. Ни пока, ни до свидания. Десять лет прошло, а он все еще не научился завершать разговор.

– Спасибо, – сказал я и вернул телефон Мерав.

Она забрала его у меня из рук.

– На здоровье, балбес, – ответила она, – и хватит уже болтовни.

– Хватит болтовни, – пообещал я.

Она вышла из комнаты, покачивая головой.

Я лег на маленькую кровать и уставился в потолок. Кто ты, Мерав? Ангел-хранитель читателей мыслей в этом грешном мире? Недавно узнала о моем существовании или знаешь куда больше, но не признаешься? Что-то тут не вяжется. Из-за умения читать мысли у меня атрофировался навык понимать, с кем имею дело, если только я не вижу его насквозь, как открытую книгу. Прошло много времени с тех пор, как я общался с той, кого не могу читать. Я привык легко понимать других людей, но сейчас вдруг оказался в ситуации, когда не могу постичь, как сочетание уверенности-безумия-рассеянности-душевности-непреклонности работает в ней, в этой женщине.

Мне надо вернуться домой. Проверить почту, узнать, как выглядели грабители, была ли Даниэла одной из них. У меня не было сомнений в том, что она хотела не убить меня, а лишь отключить на время, но версия с ограблением банка явно противоречила всему остальному, что она сказала мне в тот вечер. И все же две фразы, сказанные Амном, засели у меня в голове. Женская банда. Такое нечасто бывает.

Бени Липкин не представляет, насколько важную роль он сыграл в моей жизни. Сомневаюсь, что он меня вообще помнит. Это был полноватый мальчик с золотистыми волосами, похожими сзади на пух, а спереди на мех. Не удивлюсь, если узнаю, что в средней школе он стал хулиганом, а немного позже – нервным банкиром со слишком стремительной походкой и вечно потеющими руками. Я, конечно, злорадствую. Тот факт, что благодаря ему обнаружилась самая большая проблема моей жизни, никак не связан с тем, каким человеком он был. Но в моем воображении он был – и остается – вестником апокалипсиса.

Я его видел трижды. За мгновение до того, как весь мир ворвался в мою голову. Шпион, подсланный всеми жителями Вселенной, чтобы удостовериться, что их мыслям действительно удалось меня взломать. Шпион, который сумел прокрасться незамеченным, пока его не засек луч полицейских фонариков, после чего, ухмыляясь, поспешно удалился.

Бени жил через три дома от нас, на той же улице. Такой же бело-серый пластиковый забор, такая же жухлая трава, как у нас. Гостиная семейства Липкин была светлее, чем наша, не так захламлена фигурками из темного дерева и толстыми коричневыми коврами, в ней было много молочно-белого

стекла и светлой гладкой плитки. На одной из стен, я помню до сих пор, висела увеличенная фотография желтой хризантемы, а на ней крупная пестрая бабочка. Когда я впервые к ним пришел, мне показалось, будто я вышел на улицу. Недалекая матушка Бени Липкина в голубой узкой юбке и тонкой розовой рубашке, старательно застегнутой на все пуговицы, подозвала его, представила нас друг другу и попросила его «показать свои игрушки». А после того, как он жестом командовал мне подниматься по лестнице в его комнату, пригласила мою маму составить ей компанию и выпить чаю с «каким-нибудь вкусным пирогом». Мама пошла за ней осторожно, легкими шажками идя в ногу с хозяйкой дома.

В своей комнате Бени предложил мне поиграть в электропоезд, и я почувствовал воодушевление и радость от вида новой игрушки. Может, это я почувствовал, а может, он. Как только мне надоедало играть во что-то, он тоже поднимался и начинал другую игру, и всегда это была та самая игра, в которую и мне внезапно хотелось поиграть. Я был не более чем послушной тенью, которая ходила за ним туда-сюда по комнате и радостно откликалась на каждое желание, возникавшее в нем. Может быть, я частично тоже приходил в восторг от некоторых игр и тоже хотел в них поиграть, но такое совпадение желаний, их сила, воодушевление, владевшее нами обоими, — что-то в этом было странное, неправильное, и я понял это только потом, когда снова оказался дома, один.

Я недоумевал, почему не хочу играть ни во что другое, по-

чему не достаю пазлы с верхней полки, не вытаскиваю книжку или даже не предлагаю немножко поиграть в прятки, – во все это я так любил играть с мамой. Быть не может, чтобы мне доставляло такую радость пинать мячик туда-сюда или бегать с криками по дому с пистолетиком.

– Никогда не видела, чтоб он так себя вел, – услышал я, как мама говорила госпоже Липкин, сидевшей на противоположном от нее конце стола.

– Да, мой мальчик умеет увлечь за собой даже самого тихоню, – услышал я, как ответила госпожа Липкин с улыбкой.

Второй раз оказался похожим. Когда я вошел в дверь, у меня было довольно четкое представление, во что я хотел бы поиграть на этот раз. Но мои планы улетели в окно, как только я оказался в захламленной комнате. Бени носился и бомбардировал меня разными играми, которых я никогда в жизни не видел, но тем не менее очень быстро соображал, как в них играть, и очень радовался процессу, несмотря на то что выигрывал в основном он. Когда снизу донесся смех наших матерей, во мне промелькнула нехорошая мысль о моей маме – эта гадкая женщина сейчас доест весь пирог.

– Тебя очень нравится у Бени, да? – осторожно спросила опустошенная беседой мама, когда мы возвращались домой под вечер.

Нет, мне на самом деле не нравится, подумал я. То есть я не понимаю, что я чувствую. Когда я в комнате, то испытываю некоторое удовольствие, но я не уверен, что оно мое. Я

ответил ей маленьким поникшим «ага».

На третий раз я все понял.

Это не было еще полным, абсолютным пониманием того, какова моя природа и что это значит. Но разом прояснилось всю ситуацию. Бени в какой-то момент протянул мне маленький бинокль.

– Можно подглядывать за соседями, – сказал он.

Он дал мне его, и я направил бинокль на окна домов на другой стороне улицы. Большинство окон были закрыты, занавески опущены, но я подумал, что из другой комнаты можно посмотреть на задворки, там окна часто не занавешивают.

– Из другой комнаты можно посмотреть на задворки, там окна часто не занавешивают, – сказал Бени.

Я поднял бинокль и посмотрел на дома, стоявшие чуть подальше. Однажды я видел, как мужик в трусах сидит на балконе, подумал я.

– Однажды я видел, как мужик в трусах сидит на балконе, – сказал Бени.

Я опустил бинокль и изумленно посмотрел на него. Он подумал, что я восторгаюсь его смелостью, но на самом деле я удивился, что услышал предложение внутри себя до того, как он его произнес. Он лоснился от удовольствия, и я не мог не задуматься, сказать ли ему, что однажды ночью я встал с кровати пописать, на обратном пути взял бинокль, посмотрел на улицу и увидел в одном далеком окне, как некто направил пистолет на свою жену.

Бени приблизился ко мне с горящими глазами:

– А знаешь, что я еще видел?

– Человека с пистолетом?

Он остановился, сбитый с толку. Как это возможно? У нас обоих есть бинокль?

– И у тебя тоже есть... – начал он, но я уже бежал оттуда, понимая и не понимая, просто не хотел больше находиться там, хотел убежать, завернуться в толстый слой пустоты.

Тогда впервые наступила ясность. Первые симптомы расползлись, как пятнышко проказы, распухли, как рана, которую расчесывают, прорвались, как течь, которую никто не собирается устранять, пока я не начал слышать мысли как сейчас. Мое детство перевернулось с ног на голову в доме Бени Липкина.

Как выглядит детство читателя мыслей? Не так уж и плохо на самом деле, если не появляться в толпе людей. Мы заблаговременно поселились в небольшом поселке, наш дом стоял на самом его краю, так что в основном мне ничего не мешало. Мама достаточно рано поняла, что со мной происходит, поверила моим рассказам, крепко обняла меня и начала обучать на дому. Чтение и письмо, счет, английский язык, история. Она достала где-то школьную программу, купила нужные книжки и даже иногда давала мне домашние задания. В классе, состоящем из одного ученика, без помех (и без переменок) и под пристальным надзором мамы я очень

быстро продвигался по учебным материалам.

Мы с мамой проводили дома долгие часы вдвоем, но большую часть времени – порознь. Я сидел в своей комнате, учился, читал, смотрел телевизор или просто глазел в потолок и думал. Когда компьютеры стали более доступными и мама поставила один в гостиной, я стал подолгу сидеть за ним – играл, потом пытался сам писать игры или элементарные программы (и, безусловно, стал гением своего поколения, при помощи компьютерной магии заставив «черепашку» бегать по экрану и рисовать кружочек). Когда появился интернет, я принялся жадно поглощать информацию, открывая для себя все то, что не могли или не хотели дать мне книги, – слишком трогательное, слишком странное, слишком редкое, а потом еще слишком скучное, раздражающее и лживое.

Все это – книги, музыка, мучительно медленный интернет – окружало меня на протяжении всего детства и юности, пока я не решил наконец уйти из дома в возрасте девятнадцати лет. Кем бы я стал, если бы не это уединение? Не знаю. Может, клубком, который легче распутать, чем сейчас; может, существом с еще более густым мраком внутри, поди знай.

По меньшей мере раз в две недели мама уезжала, оставляла меня одного на полдня или больше, уходила в мир хаоса. Хотя я и любил ее и никогда не испытывал недостатка в уединении, эти часы были приятными и дорогими сердцу. Что-то в тишине дома, в этом окутывающем теплом пузы-

ре успокаивало меня. Я был господином, владельцем замка. Даже когда я вырос и обзавелся собственным углом, даже в моем стеклянном доме ко мне не возвращалось это ощущение – будто меня обволакивает теплый пузырь, когда мама закрывает за собой дверь, уходя продавать очередную порцию металлических цепочек и сережек из цветного стекла.

Я страстно желал этого одиночества, тишины и поэтому, пока она была дома, часто уходил побродить по просторам и рощам за нашим домом. Я знал наизусть все склоны, все скалы, все лесопосадки на горных цепях. Я знал, куда наступать, чтобы не упасть, где прячутся птицы, как найти подходящий матрас из опавших сосновых иголок, на котором можно лежать и смотреть в небо, знал, где прячут свои муравейники суетливые муравьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.